

Рэм Соломонович – о евреях и войне.

Санкт-Петербург 2010 г.

Захватывающе интересный текст о военных буднях 17-летнего еврейского парня, без спроса убежавшего на фронт... Рекомендуем прочитать до конца.

Я, Альтшуллер Рэм Соломонович, родился 11 сентября 1926 года в городе Новоржеве Калининской области. Сейчас это Псковская область. Помните, у Пушкина есть такое четверостишие:

«Есть на свете город Луга
Петербургского округа.
Хуже б не было сего
городишки на примете,
если б не было на свете
Новоржева моего».

Это 30 километров от Пушкинских Гор, где похоронен поэт.

Мой отец какое-то время занимался просвещением. Был, как тогда называлось, избачом (народное название культработника, руководителя избы-читальни). Потом он командовал каким-то отрядом, а затем служил в погранвойсках.

Мама была учительницей и преподавала.

У моего отца были два брата, тоже военные. Моисей был широкоплечий, мощный сержант морской пехоты. Илья был лейтенантом, командиром миномётной батареи, служил в Брестской крепости, где и погиб.

Отец служил в разных местах. Так что я и на Дальнем Востоке учился. Потом меня закинули к бабушке. Там под Новоржевом есть большой посёлок Бежаницы. В нём жили мои дедушка, бабушка и другие наши родственники. Отец отправился в Узбекистан. Потом его перевели сюда в Ленинград. Такая судьба командира (тогда офицерами не называли – командиры были).

В семье я был единственным ребёнком.

1937-й год, слава Богу, никого из моей семьи всерьёз не коснулся. Мои дедушка, бабушка, тётя Ханна и её маленькие дети жили очень скромно, занимая половину дома. А во второй половине жили мои друзья, Руслан и Вадик, со своей мамой. Они были детьми белого офицера, дворянина. Когда отца арестовали, они были вынуждены уехать из Ленинграда.

Убежали с другом воевать в Испанию

Как вы знаете, в 1937 году шла гражданская война в Испании. С Русланом мы были одногодки. Мы накопили сухарей и убежали воевать в Испанию. В шести километрах от Бежаниц находится станция Сущёво. Мы добрались до станции, сели в поезд, проехали остановки три или четыре и нас с поезда сдали в милицию. Ну и привезли домой. На этом кончился наш поход. Это я говорю к тому, что всё было переплетено, то есть определенная, серьёзная закваска, в хорошем смысле этого слова, была у нас. Она бродила, несмотря на всё, что творилось вокруг. Я всегда хотел почему-то командовать. Сохранилась фотография. Кажется, тогда я учился в пятом классе. Стоит моё «подразделение» в деревне. Все босые в будёновских шлемах, деревянный пулемёт «Максим» на колёсиках, как настоящий. Тогда нам даже казалось, лучше настоящего. Мы играли и в этих играх получали определенное мировоззрение. Все хотели быть только «красными». Играть за

«белых» никто не хотел. Мы уже знали, кого надо бить, кого надо убивать и где должны быть мы.

В 1938 году родители снимали две небольшие комнаты в Пулково. Тогда это была огромная деревня. Где развилка сейчас, поворот на Пушкин. С правой стороны там стояли дома. Она вся сгорела во время войны, вся. Помню, как мимо проезжали на машинах испанцы, ехавшие в Пушкин. Мы тогда носили такие испанские пилотки с кисточкой впереди. И когда они проезжали, все мы поднимали правую руку, сжатую в кулак, и приветствовали их: «Но пасаран!» (исп. они не пройдут) Все в школе знали эти слова. Так что всё-всё это я помню.

«Хотелось очень сестренку!»

Поскольку я один был у родителей и требовал сестру, они поехали в Пушкин. Там разбирали детей, которых из Испании привезли. Отец сказал: «Будет у тебя сестра», и они уехали. Когда родители вернулись, я был в саду. Отец спокойно мне рассказал, что они выбрали девочку, хорошую девочку, испанку, но подошла бездетная семья, муж и жена. И они упростили отдать девочку им. Я помню, какой я устроил скандал. Я заскочил в дом, закрыл дверь (благо, хозяйки не было), захлопнул окна и долго не пускал в дом родителей. Хотелось очень сестрёнку.

«Юный Ворошиловский стрелок». Натер ртутью медаль

Ещё очень хотел получить значок «Юный Ворошиловский стрелок». Летом 1940 года я отдыхал в пионерском лагере под Лугой. Помню, там с нами занимался пожилой военрук. Для получения значка требовалось выбить из мелкокалиберной винтовки сорок очков из пятидесяти. У меня всё никак не получалось. Мне было обидно и стыдно. Очень хотелось получить этот значок: привинтить его и показывать всем. Как-то приходит военрук и говорит, что привезли боевые винтовки Мосина. Он отобрал ребят покрепче, в том числе и меня. Чтобы уменьшить отдачу, у нас были специальные подушечки. Надо было на расстоянии 50 метров выбить 35 очков из пятидесяти. Несколько раз мы стреляли, и, наконец, мне удалось выбить 42 очка. А значков почему-то не оказалось. Военрук жил на улице Халтурина. Я его истерзал: приходил к нему каждые две недели, выклянчивая положенный мне значок. Наконец весной 1941 года он мне этот значок вручил. До сих пор он хранится у меня дома. Эта история имела продолжение. После ранения в 1944 году я лежал в госпитале 10 14. Это Герценовский педагогический институт, моя будущая «альма матер». Я потом в нём учился. Когда мы оклемались и начали ходить, то стали бегать в самоволки. Вот когда вы смотрите на Казанский собор, на его правое крыло, правее, через дорогу – арка. Это вход в Герценовский институт. Между этой аркой и красивой решеткой была щель, которая была закрыта клубком колючей проволоки, чтобы не пролезть было. Мы с товарищем на нормальную одежду надевали халат. Крючком вытаскивали эту проволоку, снимали халаты и выходили на Невский. Перед этим заранее договаривались с товарищем, чтобы он нас поджидал через некоторое время, и тем же путём возвращались обратно. К тому времени у меня была уже медаль «За отвагу». Я ею очень гордился. Помню, ребята разбили градусник и посоветовали мне ртутью натереть медаль, чтобы она ещё сильнее блестела. Я натёр и красные буквы «За Отвагу» выпали... Но дело не в этом. Вот я в очередной раз пролез, вышел и решил посидеть на скамейке, понаслаждаться в садике перед Казанским. Вдруг кто-то: «Альтшуллер Рэм?» Подходит мой военрук в форме с узкими погонами административной службы. Он подсел. Я, конечно, ему левую грудь подвинул... Он медаль увидел и говорит: «Ну, что, помогло, значит?» Я говорю: «Помогло». Это просто такая деталь. Понимаете, воспитывали, не знаю каким образом, но вот получалось так, что мы не просто медали хотели, а хотелось и в деле побывать, и чтобы наградили. А почему бы нет? Помните, как у Тёркина про медаль?

«Я вздрючу своего писаря!»

Когда я служил в морской пехоте, уже в Восточной Пруссии, помню, вбежал к нам писарь и говорит, что меня, Сашку Курунова, Панкратова Лёшу и Германова представили к награждению орденами Славы. Это было после боя. Мы там кое-что сделали серьезное. А нам так хотелось получить медаль Ушакова. Она была такая, круглая, как медаль «За отвагу», но из-под неё выглядывал якорь и быласеребряная цепочка. У меня была окончена семилетка, и я был самый грамотный во взводе. Подходит ко мне Сашка и говорит: «Пойдём к командиру бригады. На кой нам эти ордена? Вот медаль если бы дали». Мы пошли. Пришли, откозыряли и говорим: «Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться!» Он говорит: «Обращайтесь». Предложил сесть. При этом он ещё так внимательно смотрел на нас. Это я помню. Мы говорим: «Нас награждают орденами Славы. А вот нельзя ли нам медаль Ушакова?» Он говорит: «Во-первых, я вздрючу своего писаря. А во-вторых, не положено: это во флотском экипаже надо быть. Но главное не в этом. Уже всё подписано». Видите, сочеталось и детское, и война. Всё перемешалось... Вот как мы далеко ушли от значка «Юный Ворошиловский стрелок». Он, кстати, до сих пор хранится у меня дома.

Погибший класс

Перед войной я окончил седьмой класс 22-й неполной средней школы, которая до сих пор стоит на Благодатной улице Санкт-Петербурга. Когда въезжаете с Московского проспекта на Благодатную улицу налево, то с правой стороны будет двухэтажное здание моей школы. Как это ни удивительно, но лет 15 назад мой директор всё ещё был директором этой школы. Ему 24 года было перед войной. Из моего класса войну мало кто пережил. Большинство мальчиков погибли на фронте, а девочки поумирали от голода в блокаду.

Аресты. Как из нас воспитывали бойцов

Я помню хорошо 1940-41 годы. Часто мы приходили в класс, и кто-то входил заплаканный, девочка или мальчик. От него отсаживались в сторону, потому что хорошо понимали, что произошло. Кого-то из родителей, а может быть, и обоих ночью арестовали. Это мы отчётливо понимали. А поскольку у меня отец был военным, то дома не раз вёлся разговор на эту тему. Смысл беседы был в том, что не нужно заниматься разговорами на эту тему, не нужно откровенничать. Если даже что ты думаешь, пожалуйста, для этого есть дом. Это достаточно серьёзно и опасно. Говорили как со взрослым. Не только со мной, и с другими. Поэтому в те времена, эти страшные времена, вот так вот и поступали. Приходили и отстранялись от этого одноклассника или одноклассницы. Тем более что иногда позже и они исчезали, а иногда и сразу они не приходили – и становилось ясно... Но с другой стороны, к нам приходили на уроки военные. Рассказывали о себе, агитировали за сбор металлолома. Показывали большие такие плакаты танков, самолётов. Говорили, что это делается из этого металла. Рассказывали, как они воевали на границе – и такие были. Я бы сказал так, что они воспитывали – и это бесспорно, для меня, по крайней мере – в нас убеждение в том, что война обязательно будет. Они зачастую об этом не говорили. Может быть, им не рекомендовали говорить об этом, а может быть, это и не надо было. Тем более что в 1939 году мы с Германией были в очень приятельских отношениях, к сожалению. Но они воспитывали в нас это чувство. Я бы не назвал его патриотизмом. Они исполняли свой долг. Они готовили наше поколение к тому, что придётся каждому мальчику, а в будущем мужчине, защищать страну, в которой он живёт, землю, на которой он живёт, и всё это, с моей точки зрения, сыграло не последнюю роль. Поэтому вот эти военные, я полагаю, делали благое дело, нужное дело. Не было там никаких лозунгов особых. Ну, где-то всеу, где было необходимо, они повторяли имя Сталина, еще что-то такое. Но, в сущности, их рассказ действовал на нас очень серьёзно. Я по себе это понимал. После этого мы не просто ходили консервные банки или металлолом какой-то собирать, а уверены были, что это мы делаем для оружия, которым, возможно, придётся пользоваться и нам и так далее.

В разговорах между собой мы говорили о своих родителях. Мы же обменивались, кто из какой семьи, кто, как... И если узнавали, что у кого-то папа не служил, это считалось серьёзным дефектом. А как же так? Мужчина должен быть обязательно воином.

Начало войны

Летом 1941 года мы с мамой отдыхали в Псковской области, рядом с бабушкой. Там было радио, и я помню сообщение о начале войны. Там был репродуктор, а не мощный громкоговоритель. Что там – деревня, посёлок. Его вынесли из дома, поставили на подоконник, и собралась толпа. Кто сидел на траве, кто... Молча. И я там был и услышал эту речь его о том, что началась война. Я бы сказал неправду, если бы утверждал, что в этот момент понял, какое несчастье грядёт.

Помню, как через несколько дней местные парни с мелкокалиберными винтовками и дробовиками побежали на гражданский аэродром, куда немцы выбросили десант. Оттуда никто не вернулся. Ну, это и понятно

Помню, как мы с мамой приехали к бабушке, и мама буквально требовала, кричала, плакала. Настаивала, чтобы они поехали с нами в Ленинград. Несмотря на это, они остались... Тогда ещё не знали, как немцы относятся к евреям...

Через горящий Псков – в Ленинград. Диверсанты в поезде

С последним эшелоном, через горящий Псков, мы с мамой вернулись в Ленинград. Когда мы сели в поезд и ехали, к нам подсели двое военных. Примерно в районе станции Сущёво они подсели в наше отделение плацкартного вагона. Сели, разговорились. Любезны очень. Обменивались чего-то там, откуда едут и прочее. Они в командировку едут и так далее. Я это ещё потому так хорошо помню, что у одного из них была медаль «За боевые заслуги», и это меня очень заинтересовало. Помните, как у Тёркина, медаль хотел получить? Помню, когда я начал воевать, наш полк стоял в районе Белоострова, меня ввели в палатку, где я увидел у Саши Кронова медаль «За отвагу», я не мог оторваться от неё. Он поймал мой взгляд и спрашивает: «Ну что? Хочешь получить?» А мне очень хотелось получить такую медаль. Я говорю: «Да». Он говорит: «Ну, не то получишь». Саша был из Акуловки и позднее погиб. Ну так по поводу тех военных. Часик поговорили, потом они встали и ушли. Буквально через десять минут прибежали НКВД. Синие фуражки у них такие. Бежали по вагону и спрашивали буквально у каждого, у каждого, у каждого, не видели ли двух военных. Когда дошла очередь до нас, они к маме обратились, и она сказала: «Да. Только что сидели здесь. С нами разговаривали. Они говорят: «Обрисуйте». Она стала описывать. Они сказали: «Да, это они. Мы их ищем. Это диверсанты...» Эти двое абсолютно свободно говорили по-русски, без всякого акцента. Вот это я помню. Это сильное впечатление произвело.

На Урал

Когда рано утром поезд подъезжал к Ленинграду, все очень боялись налёта. Как я уже говорил, когда мы проезжали Псков, он уже горел, недалеко от вокзала. Мы видели по краям дороги воронки, какие-то разбитые машины и представляли, что нас ждёт, если налетят немецкие самолёты. Ленинград со времени нашего отъезда почти не изменился. Кроме патрулей на улицах, ничего не напоминало о войне. Наш дом обезлюдел: кто ушел на фронт, кто уже эвакуировался. Мы с мамой хотели остаться в Ленинграде, но наши знакомые и дальние родственники приезжали и буквально потребовали, чтобы мы уехали. Ну, ожидали, что город может не выдержать и немцы войдут. Поэтому мы быстро приехали и довольно быстро уехали отсюда на Урал.

Мои победы

Прибыли мы на станцию Тёплая Гора. Там располагался трест «Уралзолото». На его фабриках из руды извлекали алмазы. Они были нужны для оборонной промышленности. Жили мы в посёлке Кусья-Александровская. Мама устроилась в какую-то контору машинисткой. Я попытался учиться, но это оказалось невозможным. Пайки были небольшие. И я пошел работать. Сперва трудился на конвейере, потом в открытом забое. Мы на вагонетках по узкоколейке возили руду. Мальчишек было мало, и меня начальник треста направил в Нижний Тагил на курсы шоферов с тем, чтобы после окончания я вернулся работать в трест. Там я закончил курсы, получил «стажерку», отстажировался и получил права шофёра третьего класса. Практику я проходил на газогенераторной машине, кажется, ЗИС-5 или ЗИС-5А – уже не помню. Они работали на древесных чурках. Машины были маломощные по сравнению с обычными, которые на бензине, но это была необходимость: не было горючего. Я на такой машине работал достаточно долго. Целыми днями возил продукты. Это был такой соблазн. В кузове сидят два автоматчика, а ты везёшь продукты, голодный. Но нас кормили там всё-таки. Потом я вернулся, и меня заставили шоферить на трест. Трест «Уралзолото» был военизированной организацией, и поэтому у меня была бронь. Я два раза бежал на фронт. Первый раз, в начале 1942 года, просто подсел в воинский эшелон. Солдаты отнеслись ко мне хорошо. Подкормили, там было сено, чтобы поспать. Но проехав километров двести, мне понадобилось выйти, меня поймали и вернули. Второй раз я списался со своим приятелем Ваней Гавриловым. Он жил под Москвой в посёлке Дулёво – это недалеко от Орехово-Зуево. У него был дядька, воевавший под Москвой и часто им писавший. Мы договорились, что мы тоже к нему поедem воевать. Я выкрал чистый командировочный бланк, заполнил его, что я еду в Дулёво якобы по делам семьи. С этим удостоверением я спокойно проехал Свердловскую, Молотовскую, кажется, ещё Горьковскую область и оказался в Орехово-Зуево. Там пересел на узкоколейку и приехал в Дулёво. В Дулёво вышел и сдуру подошел к стоявшему на перроне милиционеру и спросил у него адрес, где жил мой приятель. Он попросил показать мои документы, спросил, зачем приехал. Я что-то ему наплёл. Он ничего, ничего. Объяснил, как пройти. Я пришел. Приятель меня встретил, накормил, всё хорошо. Мать его спрашивала, зачем приехал. Что-то я и ей сказал, неправду какую-то. А с ним мы пошли гулять и решили завтра, он уже знал куда сесть и куда ехать. Ночью я проснулся от яркого света в лицо. Пришла милиция... Ну, всё. Ночь я просидел в милиции. Днём допрашивали. На следующее утро меня на поезд. Поручили кондуктору, и те передавали с рук на руки. Вернулся домой. Вот и все мои победы.

В 1943 году, когда блокада Ленинграда была уже прорвана, к нам из Ленинграда приехал какой-то инженер, и я узнал, что проводится набор мужчин на работу в какую-то организацию, снабжающую Ленинград продуктами по воде. Я выложил перед ним свои водительские права. Он с удовольствием схватился за них и сказал: «Беру». Я говорю: «А у меня мать». Ну, не очень ему хотелось, но тоже взял. Я уже тогда знал, что не буду у них работать, а сбегу на фронт. Приехали в Ленинград. Я был определен мотористом на катер. Короче говоря, недели через две я пришел в первый отдел треста «Ленвод» и попросил снять с меня бронь. В этот раз он просто разорвал моё заявление. Ещё через две недели я снова пришел с заявлением. На этот раз он меня усадил и сказал примерно так: «Вот когда кончится война, скажешь мне спасибо». Скомкал моё заявление и бросил в корзину.

На фронт... за водку! Выдал идиш за немецкий

Тут на талоны выдали водку. Я получил свою бутылку, ещё приятель дал мне свою. Я положил водку в карманы фуфайки и пошел пешком в Белоостров, на фронт. Меня остановил военный патруль. Начали меня «терзать». Я расплакался. Сказал, что у меня все погибли. Поднаврал про себя там многое. Они на меня махнули рукой, и я пошел дальше. Вышел второй патруль во главе с сержантом Ваней Барановым. Недавно Иван Павлович Баранов умер. Он был полным кавалером ордена Славы. Ну, и остановили. Приём был тот же самый. Я пустил слезу, опять стал плакаться... Ну, не один я был такой «умный». Многие

бежали на фронт. И все старались, где нужно, там приврать, где нужно – разжалобить. Они стояли, слушали, а потом Иван говорит: «Вот что. Поворачивайся-ка и топай обратно в город. Уходи». Я повернулся и они увидели, что у меня груди как у дородной женщины. Ребята спрашивают: «А что у тебя там?» Я говорю: «Водка». Они спрашивают: «Как водка? Ну-ка, покажь». Вынул я бутылку. Они смотрят, водка. Говорят: «Открой... Отхлебни». Я тогда ещё не пил, но немножко отхлебнул. Забрали они эту бутылку и говорят: «Вот видишь этот лесок? Там увидишь, стоят много-много солдат и там «купцы». Придешь, встанешь в строй. Может тебе повезёт. Но не вздумай сказать, что мы тебя пропустили». Я не знал, что такое «купцы», но не стал спрашивать и пошел. Они говорят: «Стой, стой, а там что?» Я отвечаю: «Тоже бутылка». Они говорят: «Отдавай». Ну что, молодые ребята, находились в относительном тылу – всё правильно. Я подошел к этой группе. Там стояли выздоровевшие солдаты из госпиталей. И шли «купцы». Купцами называли офицеров, которые набирают солдат в свои подразделения. Вот они двигаются, двигаются и дошли до меня. Впереди этой группы шел заместитель моего будущего комбата. Спрашивают рядом стоящих солдат: «В пулемётную роту хочешь?» Тот отвечает: «Хочу». Следующего спрашивают: «В пехоту?» Тот мнётся: «Не-е-ет. Я миномётчиком лучше». Понятно, люди после ранений, страх-то всё равно жил в каждом. Потом это были, с моей точки зрения, старики. По 30 лет им было, а кто и старше. Когда очередь дошла до меня, они что-то презрительно посмотрели. Ну, не презрительно, а так, мимо посмотрели, повернулись и пошли. Я понял, что «горю сизым пламенем». Куда деваться? Обратно возвращаться?.. Я же сбежал, а это военизированная организация... Всё, конец. Тогда я им говорю: «Дяденька, дяденька. Я знаю немецкий». Дело в том, что когда я год был у бабушки и дедушки, то постиг идиш, еврейский язык. Он очень близок к немецкому. Я говорил на нём достаточно свободно, а понимал всё. Тогда этот Залман Каминский повернулся и говорит: «Шпрехен зи дойч?» Я отвечаю: «Йя-йя». Ну, ещё несколько фраз... Тогда он говорит командиру первой роты, капитану, кажется, по фамилии Сергеев. Он был с Кировского завода и потом погиб при мне: «Говорит. И понимает. Забери его к себе, пригодится». Мне показали палатку, в которую надо было идти. Там спрашивают документы. У меня было временное удостоверение личности. Сперва к нему отнеслись недоверчиво, но потом все-таки взяли. Так я оказался там. Став рядовым первого батальона, которым командовал тогда капитан Сироткин Валерий Ефремович. 129-го Гвардейского Ленинградского стрелкового полка, 45-ой гвардейской ордена Ленина Краснознамённой Красносельской стрелковой дивизии, 30-го Ленинградского гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал Симоняк. Короче, взяли меня в первую роту, стрелком. Выдали мне обмундирование, ботинки с обмотками, кожаный ремень, каску... Смертных медальонов тогда уже не было. Противогазы нам выдали только во время боёв в Прибалтике, но мы их тогда же выбросили. Лучше было взять в эту сумку картонную коробку с патронами: она весила столько же, сколько и противогаз, или пару гранат вместо этого... Какой этот противогаз? Выписали красноармейскую книжку, вручили ППШ с диском. Один раз нас вывели на стрельбище.

Курсы снайперов

Наверное, через недельку, к нам пришел офицер, нас построили и он спрашивает: «Ребята, кто хочет на курсы снайперов?» Ну, как же?! Я шагнул вперед. Я вообще был о себе высокого мнения и считал, что с моим приходом в Великой Отечественной войне произошел перелом. Только после ранения это мнение изменилось. Курсы были краткосрочные. Выдали мне нашу трёхлинейную винтовку с немецким, цейсовским, оптическим прицелом. Трёхлинейка – это прекрасная винтовка. Если пристрелять её – ну, что вы? Безотказное же оружие и очень просто сделанное. Прицел ближе к прикладу, выходил довольно далеко, и поэтому рукоятка затвора была согнута ближе к цевью, чтобы не мешать прицелу. Немецкий прицел считался лучше нашего тем, что имел гуттаперчевый наглазник. Наш был несколько подлиннее и не имел смягчающего наглазника. Поэтому при выстреле ребята опасались отдачи, и от этого страдала точность стрельбы. Оптика же наша

была не хуже немецкой. На курсах теоретические занятия чередовались с практическими. Сначала на сотню метров стреляли, потом на две... 400 –это предел. Мишени были поясные: силуэт в немецкой каске. Нас учили пристреливаться днём. Делали деревянные рогатки, последний выстрел делали с рогатки в какое-то определенное место на тот случай, если ночью появится огонёк или фонарик. Немцы же с комфортом воевали с фонариками. Нас учили стрелять, чтобы поразить цель вот таким вот образом. Преподавали маскировку, передвижение и как делать запасную позицию... Работать учили в парах. Меня прикрывала Парфёнова Соня, сибирячка, 1923 года рождения, родом из Томска. Она к тому времени уже потеряла двух напарников. Я был третьим. Соня была такая крупная, дородная девица, а я, прямо сказать, был не гвардейского телосложения. Помню, когда меня ей представили, она так с сожалением на меня посмотрела. Как я понял уже через много лет, ей попросту было меня жаль. Её задача была ни в коем случае не стрелять. Она не должна была этого делать. Это была моя работа, а её задача состояла в том, чтобы прикрыть меня в тот момент, когда это необходимо. Но это было уже потом.

Женщины на войне

Здесь уместно поговорить о женщинах на войне. Можно говорить о слове патриотизм, но мне не нравится, когда его часто употребляют. Они шли на фронт, понимая, что это война, потому, что им было чисто по-женски, а это значит – нестерпимо жаль мужчин, которые туда уходили. Они шли с ними, чтобы разделить то, что им там придётся хлебнуть, а хлебнуть пришлось под завязку – дальше некуда. Что касается отношения мужчин к ним, то оно было разное. Мужчины были здоровые, молодые. В 1944-45 годах их хорошо кормили... Заглядывались, конечно, на этих женщин. Завидовали тем, кто имел с этими женщинами какие-то дружеские отношения. Много надумывали об этих отношениях. Разговоры были разные до самых неприличных. У старших офицеров, командиров полков и так далее были такие женщины, с которыми они жили. Но в основном женщины стирали наши портянки и гимнастёрки, таскали нас, искалеченных, с поля боя. Вот это была их основная работа.

Винтовочка и маскхалат

После окончания курсов я вернулся в свою первую роту, но уже со своей винтовочкой. Винтовка была не новая, но лучше, чем новая. Прежним владельцем она была хорошо пристреляна. Там уже если хорошо прицелился и сам во время выстрела не выдохнул раньше времени, это очень важно было, то попадание было очень хорошее. Я очень доволен был ею. Патроны мы использовали самые обычные, но нас научили тоненько очень их смазывать, потом вытирать. Патроны мы берегли. Зимой снайперы согревали их на груди, потому что если ты берёшь патрон из сумки холодный, то погрешность будет значительной, особенно на большое расстояние. Прямо скажу, за такое короткое время обучили нас не плохо. Летом камуфляжные маскхалаты нам не давали – воевали в обычной форме. Зимой выдавали очень тёплое нижнее бельё, фуфайку, ватные брюки, валенки, маскхалат с капюшоном. На винтовку давали белый чехол, на прицел – марлю. На прицел обязательно, потому что от оптики могут идти блики и по ним немец может тебя «шлёпнуть», пока ты ползёшь. Когда выползешь на позицию, то марлю, конечно, снимаешь. Задача нашего корпуса и дивизии, как я понимаю, состояла в том, чтобы пробить дырку в обороне противника для прохода через неё танков... Потери у нас были очень большие, поэтому снайперских групп у нас не было. Снайпер также должен был идти в атаку, говорили, что сзади немножко, но какой там сзади, когда бежит Ваня Бударин, мой взводный... Господи, ну, о чём говорить?

Финны. Выборг

Десятого июня 1944 года началось наступление на Карельском перешейке. Очень хорошо помню, как нас выдвигали на рубеж, ночью с девятого на десятое. Через р. Сестру мы переправлялись на понтонах. Никакого противодействия со стороны финнов не было. Во-первых, наша артиллерия очень хорошо обработала их передний край, во-вторых, финны очень хорошо умели воевать, поэтому в неравное единоборство не вступали. Они

подстерегали нас на просёлочных дорогах, в лесу, на бывшей линии Маннергейма. У них были очень подвижные отряды, они хорошо знали местность, физически хорошо были подготовлены, хотя их не очень хорошо кормили, немцев лучше (ну, немцы ограбили Европу так, что им было легче).

Мы наступали по Средне-Выборгскому, а потом на Приморское шоссе вышли. Через десять дней боёв мы вошли в Выборг. Наш полк в город не входил. Мы обошли Выборг и встали там, где сейчас посёлок Гвардейское. Потери у нас были значительные и при стычках с финнами, и от подрывов на минах. Мин было очень много. Бывало, заходишь в оставленный дом, а там под половиком небольшая мина. Мин-сюрпризов было тоже много. Линия Маннергейма была в основном разрушена нашими войсками в 1940 году. У финнов, конечно, не было возможности восстановить эти укрепления. Они поступили иначе. Поставили свои огневые точки между этих руин. Там у них были пулемёты, скорострельные английские, французские, шведские пушки – чего только у них там не было. Вот чего не было, так это «кукушек». Лезть на дерево – это же самоубийство. Один выстрел – и тебя засекут. Так что этого мы не встречали. В этих боях приходилось стрелять не так много и не часто.

Каша для пленных

Запомнился один случай: это я хочу рассказать об отношении к финнам. Я не помню это место. Бой затих. Финны отошли, а мы не продвигались что-то. Наверное, ждали приказа. Вызывает меня командир моей роты, капитан Смирнов. Я прихожу. Стоят пленные финны. 12 человек. Не связанные, ничего. Стоят в своих мундирах, лето. Командир мне говорит: «Возьми с собой парочку человек и отведи их в тыл, на сборный пункт». Мы повели их по просёлочной дороге. Кажется, это было где-то четырнадцатого-пятнадцатого, примерно так семнадцатого июня. Километров так десять надо было идти или восемь. Идём мы, уже хочется есть, и тут видим, стоит полевая кухня. На ней, наверху, стоит повар в белом колпаке и белой куртке и раздаёт черпаком в котелки... У нас были с собой котелки. Мы подошли, нам каши навалили и очень обильно. Не спрашивали, кто мы, откуда. Такие же солдаты, как все. Финны сидят, мы едим, и тут я уловил их взгляд. Они на котелок так смотрели – ну, голодные же. Здоровые мужики. Я Сашке говорю: «Надо бы поделиться, что ли». Он говорит: «Ну, делись». Я думаю, что делать-то. Сашка был умнее меня и на самом деле намного. Это мой друг был. Саша погиб в конце войны. Он на меня посмотрел и говорит: «Так, вываливай мне из котелка кашу». И другому говорит: «Вываливай мне свою кашу». У нас образовались два пустых котелка. Он говорит: «А теперь иди к кухне и набери оба полностью, доверху». Котелки у нас были такие большие, круглые. Я подошел и говорю: «Слушай, тут ещё есть ребята». Не сказал, что для пленных. Повар нас и не видел: лес. Мы сидели в метрах полтора. Он навалил. Я говорю: «Давай полнее». Он: «Что вы там, облопаетесь». Я говорю: «Давай, давай, Ложки есть?» Он говорит: «На. Принеси только». Ложка «святое дело» было: всегда за голенищем или за обмоткой носили. Дал ложки, ещё две буханки хлеба. Мы кашу с хлебом тогда ещё ели. Я принёс. Финны так внимательно смотрели. Я показал, ложки дал. Мы сидели, ели, и они ели. Поели мы, потом я подошел, они отдали, что-то по-фински говорили... Я, конечно, ничего не понял. Финский мы не изучали. А вот потом, в Эстонии изучали эстонско-русский военный разговорник. Кстати, нас учил эстонскому языку Арнольд Мери. Слышали про такого? Да, он был тогда майором. Потом уже стал Героем Советского Союза. Я до сих пор помню (извините за хвастовство): «Цейс»- стой, «гяйд юзалс»- руки вверх, «имбэр бэрэд»- кругом, «рельвад маха»- бросай оружие, «куссон вэзи»- где вода...

Пшенка со стихами

Ну, а пленных финнов мы благополучно довели, сдали (помню такой большой сарай), получили расписку и возвратились в роту. Как я сказал, у меня была хорошая память. Вот и теперь заговорили о каше, и я вспомнил: нам выдавали кашу в брикетах. Этот концентрат можно было положить в горячую воду, и через несколько минут уже готова каша. На пачках этих концентратов были напечатаны короткие стишки. На пшенном: «угощайся кашей

пшенной, а врага корми стальной, чтобы враг неприглашенный не топтал земли родной». На другом брикете был нарисован немец, спускающийся на парашюте. Такой со свастикой на рукаве и, пардон, с огромным задом. Внизу стоит красноармеец. Он держит штык и немецкий зад уже в нескольких сантиметрах от штыка. Под картинкой было написано: «Ты на советском рубеже искал посадочной площадки. Лети, лети – тебе уже готово место для посадки».

Ещё я помню песню нашего полка:

«Споём друзья про славные походы
О том, как пал туман у наших ног.
О том, как шел к Синявинским высотам
Краснознаменный наш гвардейский полк.
Вперёд, гвардейцы! Вперёд, вперёд!
На подвиг смелый страна зовёт.
Победы зори вдали горят.
За нашу Родину вперёд, солдат!
За город Ленина вперёд, солдат!
У нас в полку отважные ребята.
На подвиг смелый каждый встать готов
Ну, где найдёшь разведчика, солдата,
Как наш бывалый товарищ Лизунов?».

Был у нас такой разведчик. Он, кажется погиб. Да...

Комбат Сироткин. Сколько царей Иванов было на Руси?

Хочу сказать о своём комбате. Сироткин. Это человек неординарный. Сам он новгородский. Кончил десять классов. Прошел финскую войну. 22-го июня начал войну в Литве. Полк «разнесли» вдребезги, не помнит, как очухался в Колпино. Тогда он был сержантом, потом стал офицером. Прошел войну до 1944 года. В 23 года он был награждён тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, Отечественной войны» 1 степени и орденом Суворова 3 степени. Представляете, орден Суворова? Человек поразительный. Мало того, что он, что называется «военная косточка», гвардии полковник, после войны служил на Сахалине и так далее. У него была одна из лучших в мире коллекций почтовых марок «Искусство Франции». Он блестяще знал историю России. Мы с ним дружили после войны. Часто встречались, ходили на книжные развалы. Я мог слушать его часами. Как-то я его спросил: «Валерий Ефремович, сколько в России было царей Иванов?» Он посмотрел на меня так, и говорит: «Вам не стыдно задавать мне такие вопросы? Где Вы живёте? 6 было Иванов, 6. И вообще Вам пора собирать библиотеку по истории России». Человек потрясающий. Он меня всегда поражал. И пять ранений, пять ранений. Прошел всё, прошел ад кромешный, и остался таким, каким был. И он так жалел нас. Помню, как-то мы были на Ленинградском радио. Записывали беседу с известным в Ленинграде журналистом Александром Ивановичем Солдатовым. Правда, к сожалению, этот кусок вырезали, не дали это на радио. Солдатов спрашивает Сироткина: «Вот тут сидит ваш солдат, а я хочу спросить Вас как командира батальона. Вот как было с рядовыми солдатами?» Сироткин говорит: «К сожалению, вошло в характер офицеров не суворовское отношение к солдатам. Если хотите, я сформулирую одной фразой: нет солдат – и нет проблем. То есть гибнет, например, рота, а ротный остаётся целым и с ним десятка два-три, а может, и меньше солдат. Отводят в тыл. Пока формируют, пока что. В это время, говоря солдатским языком, можно погуживаться неплохо, повеселиться, попить и всё...» Тогда же Солдатов задал мне вопрос: «Сколько у Вас на счету вражеских солдат?». Я ответил: «5, на шестом я попался. Много не успел. К сожалению, так получилось». Он спрашивает:

«Валерий Ефремович, а что Вы по этому поводу можете сказать?» Он отвечает: «Если бы те немцы, что были записаны за снайперами, были бы действительно убиты или ранены, то война кончилась бы в 42-м году максимум. Приписывали всю: и по сотне и по полторы, и награды давали, и всё... Вот Рэм Соломонович сказал Вам правду по двум причинам. Во-первых, он человек порядочный и не врёт, а во-вторых, потому что всё же я здесь сижу. При мне он не скажет, что 25 за ним записано». Сироткин сам был с юмором, но характер у него был дай Бог. Его трижды представляли к званию Героя Советского Союза, но Симоняк очень не любил нашу 45-ю дивизию и, как говорили, произнёс такую фразу: «Пока я жив в этой дивизии героев не будет». На первых двух представлениях рукой Симоняка было написано: «Наградить орденом Красного Знамени». А на третьем: «Наградить орденом Суворова».

В начале девяностых я тайне от Сироткина собрал нужные документы и послал в канцелярию президента Ельцина. Но из неё был переслан ответ в горвоенкомат. Мне позвонили, что получен ответ, и я пришел в горвоенкомат. Там горвоенкомом сидел генерал-майор, бывший командир нашей дивизии. Послевоенный, конечно. Он спрашивает меня: «Какое вы право имели писать...». Я ему отвечаю: «По тому праву, что я гвардии рядовой и воевал под его командованием. Я написал то, что думают мои друзья, кто остался жив. Мы благодаря ему живём. Потом он действительно достоин». Тут военком стал переходить, прямо сказать, на неприличный тон. Я его оборвал: «Какое вы имеете право? Вы командир нашей дивизии. Хотите, я вам скажу, что я думаю? Это я вам эти погоны подарил генеральские. Доля золотого на ваших погонах – это моя доля и таких солдат и командиров, как Сироткин». Тогда он сбавил тон: «Надо было в организацию пойти... От имени организации...» Я говорю: «Ну, давайте завтра я приведу к вам десяток наших ребят. Вы напишете письмо президенту Ельцину. Мы подпишем его. Вы первым подпишете как бывший командир нашей дивизии. Направим письмо, что мы не удовлетворены неприличным канцелярским ответом из его канцелярии и что Сироткин достоин присвоения звания Героя России». Военком тут же в кусты... Жалко, конечно, жалко. Потому, что Сироткин достоин был этого. Он и финскую прошел, ужас такие вещи рассказывал...

За что ротные не любили снайперов

Вообще, ротные очень не любили снайперов. Особенно в обороне. В обороне более или менее спокойно жилось. Солдаты обживались. Немцы вообще любили комфорт, ну, и мы тоже были не против. Вот приведу такой, весьма распространённый, пример: между нами и немцами колодец, единственный. Днём ходили по очереди за водой. И вот прибывает такой тип, как я, положим. Ему надо начинать охоту. У снайпера два принципа: первое – это сохранить себя. Значит, нужно выбрать место, с которого можно быстро убраться, если что. Второй: такое найти место, чтобы фрицы были поближе и беззаботны. Сами понимаете, если все настороже, то сам можешь легко стать тем, за кем охотятся. Стрельнул такой тип из своей берданки с оптическим прицелом немца у колодца и всё, прощай, спокойная жизнь. Немцы обрушивают шквальный огонь из миномётов, своих «ишаков». Знаете, у них были такие шестиствольные на колёсах. Это ужас. Всем приходится лезть в «лисий норы», в землянки. Не высунуться, ничего... И это из-за какого-то одного фрица, а может, в него ещё и не попали. Поэтому недолюбливали, недолюбливали.

Лет через двадцать после войны на одной из встреч я увидел своего земляка, который тоже охотился. Я увидел у него два ордена Славы. Разговорились. Я спрашиваю: «Федя, сколько ты положил фрицев-то?» Он посмотрел на меня, засмеялся и говорит: «Ни одного». Я говорю: «Да как, что?» Он отвечает: «Мне сказал замкомбата: „Не нарушай наш покой. Мы что надо сделаем. Зарубки на прикладе у тебя будут, награду получишь, не волнуйся». Так он получил один орден и второй. Ну, не знаю, может, у него и были, может, он немножко утрировал. По крайней мере, такое было. Понимаете, на фронте были такие же люди, какими обычно они бывают и в мирной жизни. Само же снайперское движение было всё же серьёзным, всё же сделали они много. И наш Смолячков – ему ещё памятник есть на

Выборгской стороне – он действительно больше сотни немцев уложил. Была ещё такая Людмила Павличенко в морской пехоте на Украине. Она под Одессой, под Севастополем три сотни уложила. Мне рассказывали ребята из морской пехоты, которые знали её.

СМЕРШ

Помню, когда мы обошли Выборг, наш полк остановился в районе нынешнего города Светогорска. Приказали окапываться. Мы расположились, построили землянки, стали получать пополнение и ждать, куда нас забросят. С пополнением к нам пришел один парень. Фамилию его я уже забыл. Он был ленинградец, со средним образованием, на год или два старше меня. Он спросил: «Тут есть ленинградцы?» Ну, я сказал: «Я». Он подошел, и мы познакомились... Спустя недели две меня вызывают в «СМЕРШ». Сидевший там майор спросил, знаю ли я такого-то. Я рассказал ему, как мы познакомились с этим солдатом, когда тот пришел с пополнением. После этого мы с ним виделись раза два на ходу, но разговора не было. Сказал, что помню, что он живёт на Моховой. Ничего больше я не знал, действительно. Он спрашивает: «Ну, а если бы встретил его, узнал?» Я отвечаю: «Ну, конечно». И тогда он говорит: «Вот, что. Поедешь ты, ещё один автоматчик и с вами сержант. Поедете в Ленинград. Сержант тебе по дороге объяснит зачем». Ну, приказ есть приказ. Через день за мной пришел сержант. Пришли мы снова к начальнику «СМЕРШ». Пришел ещё один солдат, и он нам объяснил: «Поедете в Ленинград на десять дней, придёте к нему домой. Если его там нет, спросите, есть ли у него родственники, где живут? Есть ли знакомые, где живут? Днём будете ходить по улицам и смотреть». Я очень хорошо помню, как мы пришли к нему домой, и разговаривали с его мамой. А дело в том, что его как имевшего среднее образование взяли работать помощником картографа. Он копировал карты. Через несколько дней после этого он сбежал, дезертировал. И вот я помню, как мы пришли к нему домой, в коммунальную квартиру. Помню, как была удивлена его мама. Я помню даже, что у неё на окне был вбит гвоздь без шляпки и на него были нанизаны его письма. Сержант попросил нас выйти, поговорил о чём-то с ней и забрал эти письма. Помню, как мы ещё заходили по какому-то адресу на Васильевском острове. Этот сержант был тоже из «СМЕРШ». Это была их работа, и она нужная была, бесспорно. О них в наше время говорят то, чего не было, а то, что было – не говорят. Это же контрразведка, она в любое время, в любой армии во время войны была. Без неё же нельзя. Короче, походили мы, походили, и на этом всё кончилось. В один из дней сержант дал нам передохнуть. Шел я по городу, и меня потянуло на Петроградскую сторону. Там за стадионом Кирова на Неве на плаву стояли домики канцелярии организации, в которой я служил до побега в армию. Я иду, и вдруг меня окликают. Оборачиваюсь и вижу, стоит тот самый, что рвал мои заявления. Между нами говоря, я конечно струсил. Я вынул и показал ему свою красноармейскую книжку. Он попросил меня с собою пройти. Куда деваться? Пришлось идти. Пришли мы в его комнату. Я ему всё объяснил. Он куда-то звонил, что-то говорил – я не слышал. Минут через 20 он подходит ко мне и говорит: «Во-первых, меня из-за тебя хорошо вздули, а могли и ещё, и очень серьёзно. Я оформлю тебя как ушедшего в армию по призыву. Вообще, тебе повезло. Если бы ты в армию не попал, то пошел бы под трибунал, а дальше понимаешь, что было бы с тобой?»

После взятия Выборга боевые действия прекратились. Начались переговоры. Помню, что в расположении на деревьях висели большие листовки, призывавшие к бдительности и предупреждавшие остерегаться финнов-лахтарей, что могут стрелять, что могут быть, как теперь говорят, террористические акты и так далее, но этого ничего не было. «Лактари» – так называли снайперов финских или солдат, не знаю. Я помню только это слово.

«Мы с тобой могли прервать фамилию!» – Как Рэм Соломонович Альтишуллер воевал против Соломона Альтишуллера

Я несколько раз ездил за границу: в Швецию, Данию и Финляндию. Собирал материалы о судьбе еврейских общин этих стран. Она разная. В Дании евреев почти всех спасли, переправив в Швецию. Швеция была нейтральной и даже торговала с Германией. Финны воевали против нашей армии... Все воевали. Это известный факт. Я там останавливался,

ходил в музеи, в библиотеки, рылся в документах всюду – искал этот материал. В синагоги ходил, потому что там собираются старики моего возраста, кто воевал. Меня и это интересовало не в последнюю очередь. Когда я первый раз был в Финляндии, мне сказали, что в синагоге Хельсинки есть интересный материал и там время от времени собирается совет ветеранов евреев, которые воевали в ту войну. Ну, вообще, это вещь не просто парадоксальная: евреи, зная о Холокосте, воевали в армии, которая сотрудничала с немецкими войсками и воевала бок о бок. Я пришел в синагогу. Меня проводили и стали показывать материалы. Материалы, действительно, интересные. Там я увидел фотографии евреев, воевавших в царской армии ещё в 1905 году. Я работаю, прошу переслать мне найденные материалы. Тут подходит ко мне прихожанин. Мы начинаем говорить. Подошел другой. Мы с ними разговаривали, а когда стали прощаться, он говорит: «Так давайте хоть познакомимся». Я назвал свою фамилию. Вдруг они переглянулись и по-фински заговорили, а до этого разговаривали на английском. Я говорю: «Э-э. Вы, что делаете? Я же финского не знаю». Они отвечают: «А мы тебе сюрприз готовим». Я говорю: «Если дорогой, то не надо». Они сказали, что это серьезно. Договорились, что встретимся здесь же через день. Прихожу я послезавтра, сидят за столом человек 15. Все со значками участников войны. Все они воевали. Причём на фронте у них была в палатке устроена специальная синагога. Рядом с полком СС. У меня фотография есть. И они рассказали об этом. Они не подчинялись немецким войскам. Маннергейм такую политику своеобразную вёл. Короче, много интересного они рассказывали. Потом подходит один ко мне и говорит: «Слушай. Подойди и сядь напротив этого человека». Посадил меня напротив старого еврея. Я старый, а тот очень старый. Девяносто ему было уже тогда. Ну, я сел. Мне говорят: «Ещё раз расскажи, где ты воевал». Я рассказал, как начинал воевать на Карельском перешейке от Белоострова до Выборга. Он спрашивает: «Кем воевал?» Ну, я ответил, что начинал автоматчиком, а потом снайпером. Он слушал, а потом говорит: «Я родился в Выборге». Ну, родился и родился. Мне-то что? Рассказал я, как брали Выборг, как я занимался своим ремеслом, охотился. И что войну с Финляндией мы окончили в городе Светогорске, тогда называвшемся Энсо. И вдруг он заплакал... Смотрит на меня и говорит: «Ты знаешь, мы с тобой могли прервать фамилию». Я спрашиваю: «Каким образом?» Он отвечает: «Я тоже воевал. Я тоже охотился. Зовут меня Соломон, а фамилия Альтшуллер». И я вам скажу, что пережил очень тяжелое чувство. Потом, позже я понял, что это было сказано с определенным подтекстом: что творит война, когда люди одной национальности стреляют друг в друга, и вообще убийство само по себе вещь отвратительная. Хотя защита своей земли есть защита. Война, действительно, иногда преподносит такие сюрпризы. Так что очень сложные чувства испытал, очень.

«Идиот, граната!» - Симоненко, раненный в зад

Во время боёв на Карельском перешейке я получил лёгкое осколочное ранение. Оно было по касательной. На правом боку порвало верхние ткани. Меня отправили не в госпиталь, а в ППМ, полковой перевязочный пункт. Они, как правило, были при медсанбатах. Там я отлёживался примерно три недели. Мне ещё не было восемнадцати лет, поэтому всё затягивалось мгновенно. К этому надо прибавить свежий воздух, хорошее питание. Все жили в землянках, а мы в палатках. Как выражались ребята, мы там припухали. Нас навещали товарищи из роты. Рядом со мной лежал такой Симоненко. Над ним потешались... Перед тем мы ворвались на вражеские позиции, заскочили в финскую землянку, сели там. Смотрим, стоят консервы. Кухня за нами не успевала. Хотелось есть. Открыли, смотрим мясо. Стали есть. Сидели на нарах, сколоченных из толстых досок. Сидевший рядом со мной Симоненко спрашивает Курунова: «Сашка, что это такое?» Показывает штуку, похожую на большое яйцо. Он там что-то такое крутанул, и тут Мишка Гофман, одессит, заорал: «Идиот, граната!» Тот кинул её под доски. Мы выскочили все, кроме Симоненко. Он растерялся. Ахнуло это дело там. Мы вбежали в эту землянку, он стоит на карачках и держится за ягодицу. Осколки ему не попали. Набило щепок. И вот

ребята приходили к нам на ППМ. Ему было уже лет 27. Помню, он всё ругался и переживал: «Как я в полк вернусь? Скажут, что в зад попало, да ещё таким образом». Так мы там отдыхали. Было много финских велосипедов. Ребята катались, а я до сих пор не умею. Когда нас выписали из ППМ, пришли офицеры и, не спрашивая, погрузили на машины, потом на поезд и привезли в Ленинград на Карла Маркса, 65 в распред.

Тела в колодцах. «Рэм, не полезу! Сдохну, а не полезу!»

В связи с этим расскажу вам одну «небоевую» историю... С моей точки зрения, славянское население и особенно молодежь Украины, Белоруссии, и в особенности России, обманывают. Или... Ведь выступал недавно президент Медведев, говорил, что не надо искажать историю и так далее... Ну, так говорите всё тогда. Говорите правду. Что я имею в виду. Помните Александр Владимирович, мы с вами говорили о плане «Ост»? Вот в 1944 году после излечения я попал в распред на пр. Карла Маркса, д.65. Там нас собрали из госпиталей. Тех, кто уже отдышался, оклемался. Мы там неплохо жили. Кормили хорошо. Ждали, когда наполнят побольше, и тогда направят на фронт. И вот в один из тёплых дней приказали построиться во дворе. Вышли старшины, приказали откинуть у стоявших тут же машин борта и разобрать лежавшие там лопаты. Разобрали. Приехала другая машина, в которой лежали широкие пожарные пояса и бухты толстых верёвок. С палец толщиной. Всё это тоже разобрали. Ещё приказали взять противогазы. Мы удивились, но взяли. Нас накормили, построили и повели на Витебский вокзал. По приготовлениям нам было ясно, что едем не на фронт. Посадили в вагоны и повезли. Всего нас было человек 200-300, не меньше. Ехали целую ночь. Я до сих пор не знаю название той деревни, но никогда не забуду, что там увидел и делал. Помню, что это была ещё российская территория, возможно Псковская область. Поезд остановился в чистом поле. Команда: «Выходи!» Выходим из теплушек, погода солнечная. В руках эти верёвки, у каждого противогаз и лопата. Выкатили полевые кухни. Тут же были ребята в синих фуражках из НКВД. Поезд ушел. Подошли офицеры стали назначать командиров взводов из солдат. Не знаю почему, но офицер подошел ко мне и, указав пальцем, назначил меня командовать взводом из сорока человек. Ну, хорошо... Мы ничего не понимаем. Нас накормили. Потом командиры разложили карту и стали назначать: «Тебе туда, тебе туда, тебе туда...» Моему взводу показали деревню. Не помню её название: то ли Берёзки, то ли... Но ничего ужаснее я не помню. Я был в Освенциме и много чего видел ещё, но то, что я видел там... Вот мы протопали километра два, поднялись на этот пригорок. Перед нами открылось бывшее село. Дворов 400. Печные трубы, поломанные изгороди, разбросанное, скудное барахлишко и всё. «Чистота». Народа нет. Ну вот, остановились. Подходит офицер из НКВД или откуда ещё, я не знаю. Отводит меня в сторону и говорит: «Сейчас разделишь их на небольшие группы. Назначишь в каждой группе старшего – будете из колодцев вытаскивать тела...» Ну, а дальше рассказывать... Ну вот, я подошел к колодцу. Со мной человек восемь ребят. Один обвязывается пожарным поясом с привязанной к нему верёвкой. В левую руку берёт такой же пояс с верёвкой и спускается. По двое-трое держат каждую верёвку. А в колодце тела: женщины, старики, дети, мужики молодые. Лежат уже не первый день. Поэтому и выдали противогазы. Обвязывали тело ремнём, застёгивали и поднимали наверх. Столько было случаев, когда солдат говорил: «Рэм, не полезу. Сдохну, но не полезу. Всё, больше не могу». Что вы, люди плакали, чуть с ума не сходили. Люди отказывались. Подскакивал этот лейтенант. Я говорю: «Всё, у меня никто не идёт». Он: «Расстреляю сволочь». Ну, его ж тоже понять можно: у него приказ – он должен его выполнить. Я ему говорю: «Поди, разочек спустись сам. Вот поясок тебе, милый. Я вот встану рядом с ребятами. Спустишь туда». Он: «У меня другая задача». И мы неделю этим занимались. Мы ничего не ели. Кухня стояла. Как говорится, ешь от пуза, но ничего не хотелось. И вот мы чистили эти колодцы... Не могу понять. Не могу понять! Телевидение находится в руках нашего правительства – это факт. Почему не говорят правду? Ведь это же было!

Увезли с собой всю станцию

Существовал один очень хороший приказ Сталина, чтобы раненые гвардейцы после излечения возвращались в свои части. Благодаря этому я снова оказался в своей роте.

Из-под Выборга нас отвели в район нынешней станции Кирилловская. Как она тогда называлась, не помню. Зато очень хорошо помню, как мы оттуда уезжали. Подогнали эшелон, а в вагонах ничего нет. Стали строить самодельные нары из снятых дверей, оконных рам... Помню, как бегал начальник станции и кричал: «Не дам вам уехать! На рельсы лягу, но не дам!» Мы же увезли всю станцию с собой, когда отправлялись.

Прибыли мы в Псковскую область. Расположились недалеко от Псковского озера. Именно тогда с нами занимался эстонским языком Арнольд Мери. Стало пребывать пополнение. Нас, кто более опытен был, распределили по взводам. Я остался во взводе у Вани Бударина. Это был замечательный командир, и при этом фронтовой долгожитель. Ведь солдатская мудрость гласит: «Взводный живёт полторы атаки».

Ложная тревога. «Лечь! Бегом! Марш!»

Погода стояла хорошая, сухая. И вот ночью: «Подъём! Боевая тревога! В ружьё!» Хватаем автоматы, сапоги – всё, выбегаем из землянок, строимся. Взводный, подсвечивая фонариком карту, говорит: «Объясняю боевую обстановку». Надо в такое-то время прибыть туда-то. И вот бросок. Это что-то невероятное. Если б вы видели. Бегут. Взводный кричит: «Быстрее, быстрее! Почему у тебя котелок гремит?! Бегом! Обстановка боевая, пистолет заряжен!..» Он только грозил, но, конечно, никогда бы не выстрелил. Я тогда не понимал, зачем он нас гоняет как Сидоровых коз. А он командует: «Лечь! Бегом! Шагом! Быстрым шагом! Бегом!» Часа через три: «Лежать! Приготовиться, автоматы к бою! Отставить! Встать! Бегом!» Потом возвращаемся, ложимся спать и, конечно, кости перемываем своему взводному и старшине Филимоненко. Шикарный старшина, кстати, я первый и последний раз видел старшину с четырьмя медалями «За отвагу». Он получил их за дело. Он воевал вместе с нами. Потом я про него расскажу. Только когда мы форсировали Псковское озеро, я понял, зачем нас так гоняли.

Позор с минометом. Генералы в шинелях плюхнулись в грязь

Я был очень любопытный, везде лазил, интересовался разными механизмами, любил трофеи. Благодаря этому интересу я получил свою первую медаль «За отвагу». Потом расскажу, как это случилось. Зная такую мою слабость, Ваня Бударин как-то сказал: «Слушай, ты там чего-то интересовался этим «полтинником». Научился бы стрелять. Мы бы прихватили миномёт. В обороне пригодится». И вот когда ходили на стрельбы, то таскали с собой миномёт. Минки у него маленькие. Весят 900 грамм. Я довольно быстро научился. Это нехитрое дело. 50мм. миномёт лёгкий, маленький. Круглая плита, ствол, прицел и маленькие сошки. Он даже не разбирался. В самом низу ствола поворотная шайба, играющая роль крана. Когда опускаешь в ствол мину, накаливается капсюль – происходит выстрел, и она вылетает из ствола. Если эту шайбу закрутить, то мина летит очень далеко, потому что все пороховые газы уходят на выстрел. Чем больше откроешь кран, тем ближе она упадёт, потому, что часть газов уходит. Учили нас хорошо, даже с применением боевых снарядов и мин при отработке наступления за огневым валом. Расскажу, как я опозорился с этим миномётом. Как-то мы были на стрельбище. Шел мелкий дождик. Стреляли по мишеням. Я из винтовки, ребята из автоматов. Поясные мишени находились примерно в 150-и метрах. Там была вырыта траншея, в которой сидели солдаты, державшие шесты с мишенями. Если было попадание, то они должны были покачать ею из стороны в сторону. Тут прибегают ротный и говорит, что к нам с проверкой едет командир корпуса Симоняк с командирами дивизий и другим начальством. Ваня оборачивается и командует: «Быстро миномёт сюда». Ребята притащили миномёт. Рядом положили несколько мин. Подходят генералы, полковники... Ваня докладывает: «Гвардии лейтенант Бударин. Взвод на огневой позиции проводит учения». Генерал говорит: «Ну-ка, покажите, как вы стреляете». Мы показали, сделали несколько выстрелов. Они уже собрались уходить, вдруг Бударин говорит: «Кроме того, у нас есть огневая поддержка». Генерал спрашивает: «Какая поддержка?» Ваня отвечает: «Вот у меня один солдат освоил специальность миномётчика». В это время я завороченно смотрел на них. Впервые в жизни я видел генералов. Целая кавалькада – и рядом, в пяти метрах. Он говорит: «Покажите». Ваня вынул свисток и свистнул два раза. Те, кто сидел с мишенями в траншее воткнули их в землю и ушли. Он говорит мне: «Рядовой Альтшуллер, покажите». Повторяю, я в это время зачарованно смотрел на генералов. Я взял в левую руку мину, а правой полностью открутил вот эту самую шайбу, через которую отводились газы. Стоя на одном колене опустил мину в ствол. Капсюль шелкнул, и она лениво полетела. Газ вышел. Генералы были всё же боевыми офицерами и, поняв, что происходит, все они так и плюхнулись в грязь, как были в своих шинелях. Бударин и солдаты тоже залегли. Один я остался стоять, как был. Мина упала на самом близком расстоянии, на какое мог стрелять миномёт. Мина рванула, они поднялись, обматерили моего взводного и пошли в машины. (рассказывает, улыбаясь) Мне тогда, конечно, влетело, но никаких особенных последствий этот случай не имел.

В Эстонии

Мы форсировали озеро и высадились в Эстонии. Есть такой город – Калласте. Дальше наступали севернее Тарту. Это было 17 сентября 1944 года. Через озеро нас перебросили на мотоботах и рыбацких шлюпках. Рядом с городом Клога мы ворвались в лагерь. Там было шесть костров. На сложенных и облитых соляжкой брёвнах лежали расстрелянные в затылок люди. На них лежали снова брёвна и опять люди. В 3-4 яруса. Высадился нас всего лишь один взвод. В этом лагере попало нам тридцать с лишним фрицев, эсэсовцев. Большинство из них были эстонцы.

Утопили пленных немцев в г... «Ты еврей или нет?!»

Друг мой Сашка подошел к какому-то сараю и открыл ворота. Ему было 22 или 23 года. И вот когда он открыл ворота, я увидел, как человек стареет. Он не поседел – у него спина сгорбилась. Я подошел и ещё ребята подошли. Мы увидели в этом складе рядами выложенные детские тапочки, женские волосы, лежавшую стопочками детскую одежду. Ну, представляете, что это – такое увидеть. Подошел ВаняБударин. Посмотрел. Когда он обернулся... Я такого страшного лица больше некогда не видел. Он говорит: «Видал там сортиры?» Недалеко стояли огромные деревянные туалеты, очков на двадцать. На стене был наверно пожарный щит. Там висели ломы и лопаты. Ваня говорит мне: «Берите ломы, лопаты. Скажите немцам, чтобы они сорвали доски с этими очками». Подошли к немцам показали, объяснили. Они сделали это. Тогда он сказал, чтобы мы нарезали проволоки. Показал, какого размера. Затем приказал немцам, чтобы они руки назад. Потом говорит нам: «А теперь свяжите им руки». Они орут, а куда деваться. Когда руки у пленных были связаны, он повернулся ко мне и говорит: «А теперь веди их туда и всех утопить в говне». Я стою. И вдруг он яростно: «Ты еврей или нет?!» До меня тогда ещё не полностью доходила трагедия, случившаяся с моими. Я тогда ещё всего и не знал. Поэтому я стоял как вкопанный. Ваня говорит: «Сейчас же всех их туда». Подошли ещё ребята, человек пять и мы... Благо, они со связанными руками. В это время высадился второй десант. Бежит майор Кондратенко. Подбегает и спрашивает: «Где пленные?» Когда мы высадились, то по радиции сообщили, что захвачены пленные. Бударин говорит, показывая на сортир: «Вон там». Майор кричит: «Кто это сделал?!» Не знаю, что меня толкнуло, но я сделал шаг вперёд. Он в такой ярости – стал рвать кобуру. Тут Ванька шагнул между нами, и говорит: «Товарищ майор, это я ему приказал. Подойдите к сараю». Тот кричит: «... твою мать! На кой мне этот сарай!» Бударин говорит: «Подойдите, подойдите». Майор зашел в сарай... Вышел оттуда и говорит: «Как фамилия?» Я говорю: «Альтшуллер, а что?» Он говорит: «Если уцелеешь и будешь представлен к награде, своими руками разорву лист. Если в следующий раз по твоей вине не останется пленных, шлёпну, не задумываясь, и никакой командир тебя не спасёт. Понял?» Развернулся и ушел. Я рассказал это вам, чтобы вы хоть немного поняли, что война – это действительно страшное дело. Страшное на самом деле, не в том дело, что он мог меня расстрелять, а в том, что вот такие коллизии – не человеческое это всё. Это не нуждается в оправдании. Мы делали то, что надо было делать. То, без чего страну нельзя было бы спасти, но вспоминать об этом сверхтяжело.

Для эстонцев река, для нас – ручеек

Севернее Тарту нам предстояло форсировать реку Эмайыги. «Мать-река» по-эстонски. Перед тем, как начать выходить на исходные позиции и спускаться к реке, взводный приказал, чтобы каждый солдат из первого отделения взял по три мины к моему миномёту. Когда мы скрытно заняли окопы на берегу, то каждый боец, проходя мимо, клал рядом со мной мины. В отделении было человек 12, так что образовалась приличная горка из мин. Слева от нас стояло разбитое двухэтажное кирпичное здание. Утром началась артподготовка. На том берегу стояли стога, и я видел, как там бегали немцы. Когда артподготовка начала стихать, немцы открыли по нам огонь из мелкокалиберной скорострельной пушки. Несколько снарядиков попало в стоявший рядом с нами дом. Моя рука лежала на минах, и один осколок пролетел между пальцами. Тут я пережил страшное мгновение, потому что пролети он чуть-чуть правее, то он попал бы в мины, и можно себе

представить, что бы со мной было. Иван закричал: «Стреляй!» И я начал стрелять... Потом миномёт мы бросили, а реку форсировали быстро. Это для эстонцев была река, а для нас так, ручеек.

Самое тяжелое физическое воспоминание о войне

Когда началось наступление, стояла хорошая погода, но вскоре она резко испортилась. И вот самое тяжелое физическое воспоминание у меня о войне связано с этим наступлением. Дело в том, что пошел мелкий, такой противный дождь, который не прекращался всю ночь. А всю ночь батальон шел очень быстрым, форсированным маршем, чтобы немцы не смогли закрепиться, тогда потери бы были большие. Это я уже потом комбата расспрашивал, после войны, почему нас так... Ну, это невероятное что-то было. Дороги в Эстонии более или менее хорошие. Лучше наших, надо отдать должное. Шли с полной выкладкой. Миномётчики несли на себе кто плиту, кто ствол. Пулемётчики, кто станок, кто сам пулемёт, другие несли коробки с боеприпасами. При этом у каждого автоматчика было при себе по 400 патронов и по 3-4 гранаты, сухари, консервы... Я просто помню, как идёт батальон, мелкий дождь и такой сплошной, тяжелейший храп. Перенапряжение дикое, потому что за ночь километров 40-45 проходили. Запомнился один эпизод. Очередной бросок на несколько километров. Команда: «Стой!» Батальон встал. Помню такой широкий пригорок и слева огромное картофельное поле. Команда: «Налево. 10 шагов. Ложись! Привал». И все легли в межи в грязь. Под дождём в шинелях. Тут прибегает Ваня Баранов с разведчиками и докладывает комбату: «Товарищ майор. Вот в ста метрах выше огромный сарай с сеном. Проверили, не минировано, ничего. Давайте туда ребят». Тут я первый и последний раз видел, как комбат упрашивал, умолял буквально. Ну, это надо было знать Сироткина. И вот он ходил по этому картофелю, между нами и тормозил: «Ну, ребята. Ну, поднимитесь, ну, немножко наверх. Вот сарай там». Привал был минут 30-40. Ни один не встал, ни один. Потом поднялись и пошли дальше. Невероятное напряжение, повторяю, это за гранью вообще всех возможностей. То есть если бы мне до войны сказали, что в 18 лет такое вынесу, я бы не поверил.

В начале этого марша единственная лошадь была у комбата. Он посадил на неё радиста с рацией. Единственная связь у батальона была эта рация. Тяжелая такая рация у него за спиной всегда была. Вот он ехал на лошади. Его берегли. Когда все стали выбиваться из сил, то конфисковали у эстонцев лошадей с телегами. Сложили миномёты, автоматы на телегу, а сами идём и за край телеги держимся. Потому, что уже ноги не идут. Кто-нибудь идёт, зашатался и в канаву упал – заснул на ходу. Ну, подумайте вторые и третьи сутки не спать. Это же невозможно. Его из канавы вытаскивают, тряханут, ставят в строй и бегом. Такой перегрузки дичайшей я не представлял себе никогда.

«Надо снова идти, опять, опять идти, ой...»

Ещё запомнилась одна маленькая деталь. Очередной марш-бросок. Солнышко поднимается. Батальон идёт по лесу. Идём из последних сил, как говорится, на зубах. Лес кончается, поворот дороги, справа поднимается огромная поляна и вдалеке лес. Смотрим, сверху, метрах в восьмистах, прямо на нас бежит густая цепь... Комбат кричит: «В канаву! К бою! Приготовиться! Без команды не стрелять!» Я лёг. Рядом Сашка Курунов. Ну, ждём... Отчётливо помню, что лежу и думаю: «Господи! Сейчас бы начался этот бой, да полежать бы часа два». Ну, невозможно же больше было идти, невозможно. Всё, лежим, замерли. Такое наслаждение... И вдруг: «Подъём! Строиться!» Тут подбегает эта огромная цепь. Оказалось, что это наши девушки, которых немцы угнали на строительство каких то сооружений. Немцы ушли. Откуда-то девушки узнали, что идут красноармейцы и вот они ринулись к нам. Подбежали, обнимаются, целуются, плачут, смеются, а ребята чертыхаются, отталкивают их. Надо снова идти, опять, опять идти, ой...

Разграбление Эстонии

Эстония для нашей родной партии была Советской Республикой, а для нас всё же это была граница. Вели себя соответственно. Помню, захватили какой-то городишко. Обозы и кухни за нами не успевали. Хорошо помню двухэтажный дом. Внизу аптека, на

втором этаже магазин. Солдаты вбежали наверх. Там лежали большие свёртки хороших тканей. Тут же ребята стали рвать и отрезать куски этих тканей. Садись на пол, снимали сапоги, скидывали истлевшие портянки и заворачивали ноги в эту шикарную ткань. Рядом оказался молокозавод, ещё что-то. Мы набрали целые каски яиц... Чего там только не было! Брали всё, что только под руку попадалось. Конечно, эстонцы всё это видели, с ужасом наблюдали. Но ребята были голодные и злые. Помню потом лежали на неубранном картофельном поле, и кто-нибудь кричит: «Ванька, что у тебя?!» Тот отвечает: «Яйца!» Тот кричит: «А у меня хлеб. Давай махаться!» Подползали друг к другу и менялись. Ну, надо поесть. Брали всё. Какой там спрашивать. Просто забирали.

Выстрелил насильнику в затылок

Было и такое: наш 129-й полк остановился на ночь в каком-то эстонском селе. Утром собралась выступать, но вдруг полк срочно строят побатальонно в каре буквой «П». Помню ещё, пригнали много эстонцев. Солнышко поднималось. Утро такое хорошее. Перед строем вырыта яма. Выводят сержанта. Без пилотки, ремня и обмоток. Его поставили на колени и прочитали приговор. Переводчик переводил на эстонский. Оказалось, что этот парень вечером, ворвался в какой-то дом и пытался изнасиловать девчонку. Родители попытались её защитить, при этом он ранил отца этой девочки. Вышел старшина и из парабеллума выстрелил ему в затылок... Вот и такой случай я помню.

Перед наступлением к нам в роту пришел мой одноклассник Володя Клушин, Владимир Иванович Клушин. Он потом у нас заведовал кафедрой марксистско-ленинской философии в Техноложке. Он женат на Нине Андреевой. Вы ее, конечно, помните по нашумевшей статье в «Советской России», напечатанной на излёте советской власти. Я был рядовой, а ему довольно быстро присвоили звание сержанта и назначили комсоргом нашей первой роты первого батальона, а по расписанию он входил в наш первый взвод.

Бой в Йогеве

Есть в Эстонии такой городишка Йогева. На его окраине мы ворвались в немецкие окопы. Только расположились, как справа нам во фланг стал стрелять немецкий пулемёт МГ-34. Хороший пулемёт. Ванька Бударин подскочил ко мне и как заорал: «Чё! ... Развесил уши? Снимай его!» Пулемёт бил из окна дома. Метрах в трехстах от нас. Я развернулся, пару раз выстрелил – и он замолк. В это время появились наши штурмовики. Кто-то из командиров выстрелил в сторону немцев из ракетницы, илы стали снижаться в сторону немцев. Немцы догадались и выстрелили в нашу сторону ракетой того же цвета. Штурмовики развернулись и как дали нам из пушек и «РС-ов». Земля заходила ходуном. Два раза они на нас заходили. При мне оторвало левую щеку у санитаря. Он правой стороной улыбался, потому что имел законное право в тыл идти... А тут мясорубка. Немцы кинулись в атаку. Их было значительно больше, чем нас. Цепи были человек по двести. Ну, может, это от страха мне показалось, а на самом деле их было чуть поменьше. Миномёты стреляют, немцы-эсэсовцы идут в рост. От живота стреляют из автоматов. В то время я был худой и весил всего 48 килограмм. Когда они подошли близко, Ванька обернулся и заорал: «Отойди в сторону и, если увидишь, что схватились, стреляй обоим». То есть его и немца. Никто же не хотел в плен попадать. При этом он отдал мне свой ППС, оставив себе ТТ. Ну, тут лопатки сапёрные, хрип, стрельба в упор... Но не пришлось мне стрелять, довольно быстро их отбрасывали. Дважды они врывались к нам в траншею – и такое было... Всего было семь контратак за сорок минут... Ну, это было, что-то невероятное. Там полегло много наших ребят, очень много. В нашей роте был единственный станковый пулемёт «Максим». До сих пор помню фамилии пулемётчиков: Иголкин и Гнедин. Когда немцы отхлынули, один офицер не побежал, а залёг и стал ползти с гранатами в руках к пулемёту. Там такие небольшие холмики, и он за ними прятался. По нему стреляли, но он то появится, то скроется. Иван кричит мне: «Бери винтовку, а то разнесёт всё к чёрту!» Я взял винтовку. Пробежал вперёд, прилёг и от страха или возбуждения, плохо целясь, выстрелил один раз, второй... Только, по-моему, на четвёртый раз попал. Он от боли приподнялся, встал с гранатами и тут его расстреляли. А до пулемёта оставалось метров 40. Вероятно, немцы

сообщили своим миномётчикам, что тут действует такой тип, и те открыли по мне огонь. Немцы хорошо стреляли из миномётов, а мы плохо, всегда плохо. У нас артиллерия была хорошая, а миномётная подготовка... Я не знаю почему. В это время ожил немецкий пулемет, стрелявший из окна единственного дома, стоявшего у нас во фланге. Ротный снова стал орать, чтобы я успокоил пулемётчика. Я выстрелил и со второго выстрела попал. Пулемёт выпал на улицу, и пулемётчик повис, свесившись из окна. Но это мне уже потом рассказали ребята. Близким разрывом меня оглушило, и я лежал без сознания. Увидав это, моя напарница Соня сказала санитару: «Вытащи его. Я тебя прикрою». Санитар пополз ко мне. В это время из-за дома выскочили немцы и открыли шквальный огонь. Соня своим огнём прикрыла и спасла нас с санитаром, но ей самой пуля попала в ключицу, отчего левая рука у неё осталась парализованной. После войны она писала мне письма. Звала в гости. Причём писала с юмором: «Я понимаю, что ты не можешь быть крестным отцом моим детям в связи с национальной проблемой, но приезжай хоть поглядеть на них». У неё после войны родились четверо детей: трое мальчиков и девочка. Санитар меня вытащил, и часа через полтора я очухался. Потом мы поднялись в атаку. Володя Клушин погнался за офицером. В его автомате кончились патроны, и он, сняв диск, швырнул его в убежавшего немца. Тот обернулся и дважды выстрелил. Одна пуля попала Володе в левую часть груди под сосок – он упал. Мы забрали его документы. Его маме пришла похоронка.

Воскрешение «убитого» Володи

Кажется, перед пятнадцатой годовщиной Победы мы чуть ли не в первый раз собрались – все, кто смог приехать из ветеранов. Договаривались о праздновании Дня Победы, собирали деньги на банкет. Когда подошла моя очередь и я, отдавая деньги, назвал свою фамилию, то сидевший недалеко мужчина подошел и сказал: «Слушай, ты куда?» Мы все обращались друг к другу на ты. Я отвечаю: «К метро Чернышевская». Он говорит: «И мне туда». Вышли, и он спрашивает: «Ну, как дела, миномётчик?» Я говорю: «Слушай, ты ошибся. Никакой я не миномётчик». Он говорит: «Как, а 18-го сентября утром, рано ты стрелял из миномёта, “полтинника”». И тут я понял, кто со мной говорит и спрашиваю: «Володя, это ты?» Он отвечает: «Да». Я спрашиваю: «Отчего ты не откликнулся столько лет? Тебя же убили? При мне тебя застрелил немецкий офицер. Я же помню, как ты валялся, и ребята вытаскивали у тебя документы». Он говорит: «Ну вот, как видишь, жив». Как ему объяснили врачи, пуля прошла в миллиметре от сердца в момент его сокращения. Вместо метро мы пошли в какой-то кабачок и набрались так, что домой ползли, поддерживая друг друга. Ну, дело такое, конечно.

Спустя много лет после войны Володя Клушин поехал в Эстонию. Ему очень хотелось найти этот окоп, где эта «мясорубка» произошла. Мне об этом рассказала его жена Нина Андреева. В свой отпуск они приехали туда. Местный учитель возил их на своей машине, несколько дней искали и нашли. Осыпавшийся окоп сохранился, и Нинка мне рассказывала: «Я стояла наверху, Володька туда прыгнул, руками облокотился о бруствер и вдруг пополз вниз. Потерял сознание».

Видение Володи

Его сразу в местную больницу и там его привели в порядок. Я спрашиваю: «Вовка, в чём дело? Что с тобой случилось? Сердце?» Он отвечает: «Никакого сердца. Ничего подобного. Просто день был солнечный, точно такой же, как тот, когда мы там были. Я прыгнул в окоп и вижу, по поляне прямо на меня идут фрицы. Поднимаю руки, а в руках ничего нет. И всё, больше ничего тебе не могу рассказать». Вот такие сильнейшие переживания.

Пристрелили немцев в упор

Вскоре после форсирования реки Эмайыги и боя за город Йогева мы, наступая, выскочили на огромное поле, всё заставленное хлебными «бабками». Это такие снопы в человеческий рост. Они стояли по несколько штук, прислонённые друг к другу, а внутри пустота, по-видимому, для проветривания. Взвод рассыпался и убежал вперёд. Мы остались одни с Ваней Будариним. Незадолго до этого близким разрывом мне засыпало винтовку. Песок попал в затвор и прицел. Её необходимо было чистить, иначе стрелять было

невозможно. Тут видим, валяется фриц, а в стороне от него карабин. Ваня говорит мне: «Бери карабин». Сам наклонился над немцем и, вынув у него патроны, стал передавать их мне. Я стою с этим бельгийским карабином, загнал в ствол патрон. И вдруг Иван говорит: «Не шевелись». Вынимает из своего ППС рожок и начинает аккуратненько набивать его патрончиками. Я стою ничего не понимаю... Он говорит: «Не шевелись». Ну, я не шевелюсь. Он набил аккуратно, оттянул рычажок, вставил рожок, щёлкнул затвором и закричал: «Стреляй!» Я оглянулся... Два здоровенных эсэсовца вылезают из хлебной бабки прямо у нас за спинами. Мы ведь их пробежали уже – чего они там оказались? Метрах в 8-10, не больше. Я буквально оторопел, впервые увидев живых немцев так близко. Я выстрелил в первого. Пуля попала ему в скулу и вылетела у затылка. Он повернулся боком, рухнул ничком, ранцем вверх. Иван пристрелил второго. Если бы у меня была возможность, то я бы показал это в кино. Я стою, смотрю на них в упор и не могу шевельнуть ногой. От страха или отчего, не знаю. Иван спокойненько подошел к моему, сел ему на крестец, расстегнул ранец, вынул бритву и спрашивает меня: «Бреешься?». А я тогда ещё не брился. Он выкинул эту бритву и что-то ещё. Вынул плоскую, круглую пластмассовую коробочку оранжевого цвета, в которых немцы хранили маргарин. Отвернул крышку, подsunул её под левую подмышку. Пальцем стал вынимать из этой баночки маргарин и о правое плечо немца, не забрызганное мозгами, стал вытирать палец. Потом травой протёр коробочку насухо, вынул из своего кармана пачку махорки, раздавил её, высыпал махорку. Правой рукой достал из-под мышки крышку, завернул и, сунув в карман, встал, говорит: «Идём». Я до сих пор всё это помню до деталей, потому что стоял в оцепенении. Иван воевал с 1942 года и уже к такому относился спокойно, а у меня ноги не идут. Догнали мы свой взвод. Идём по дороге, голодные, кухня за нами не успевала. Входим в какое-то село. Стоят вынесенные столики. На них лежит груда котлет, огурцов и стоят тазы со сметаной. Эстонки всё это раздают бойцам. Солдаты голодные – подсакивают и хватают всё. Когда мы с моим дружкой Сашкой Куруновым, Лёшей Гавриловым и ещё с кем-то подошли к столикам, котлет и сметаны уже не осталось. Мы взяли несколько кусков хлеба и набросали в мою каску огурцов. Полную каску набрали. Вскоре был привал, и мы с удовольствием съели эти огурцы с хлебом. Да ещё кто-то из ребят дал нам по котлете.

Встреча с фрицами... в кустиках. Отравленные котлеты

Когда шли по просёлочной дороге, мне внезапно понадобилось в кусты. Я зашел, пардон присел... И вдруг вижу, не далеко от меня сидит фриц, офицер, в такой же позе. Я штаны подхватил, выскочил на дорогу и буквально заорал: «Немец!» Ванька Баранов с ребятами кинулись туда. Минут через 10-15 ребята вернулись. Они его там прикончили. Ребята подарили мне снятый с него маленький «парабеллум» и шикарную авторучку: тогда такие называли «вечное перо». Она у меня очень долго хранилась. Она так шикарно была сделана, что я ей диссертацию делал, и потом, когда в школе преподавал, она у меня была. Ещё ребята сняли с фрица сапоги, Ваня Баранов говорит: «Это тебе от твоего “крестничка”. Примерь». Я быстренько свои обмоточки снял, примерил – подошли. Идём дальше. Догоняет нас замкомбата капитан Иванов. Увидел и спрашивает: «Альтшуллер, откуда сапоги такие?» А они действительно красивые, с негнущимися голенищами. Он говорит: «Давай махнёмся». Ребята подсказывают, чтобы я не соглашался. Он говорит: «Давай. Вот у меня хорошие сапоги, яловые. На заказ сделаны». Ну, сели мы на край придорожной канавы. Я примерил его сапоги. Они тоже мне подошли хорошо. Он стал натягивать мои, попросил, чтобы ему помогли и с трудом натянул. Но они действительно были очень красивые. Говорит: «Так, всё. Махнулись? Махнулись. С меня причитается». Вынул папиросы. Я сказал, что не курю. Он говорит: «Ну ладно, вечером выпьем, как следует». Пошли дальше. Была хорошая погода, и мы заночевали в стогах сена. Раза три за ночь я выходил. Меня буквально выворачивало от дневных впечатлений. И эти эсэсовцы, и история с немцем, которого прикончили ребята, да ещё огурцов объелся. Помню, даже Сашка выругался: «Хватит шастать! Спать мешаешь». Вдруг слышу крик: «Альтшуллер, Курунов, Гаврилов!» Кто-то бежит. Как сказали мне ребята, это был Иванов.

Сапоги он натянул, а к ночи уже не мог ходить и буквально ползал на четвереньках, крича: «Найдите мне Альтшуллера – я сдеру с него мои сапоги...» Сашка говорит мне: «Не надо». Я отвечаю: «Правильно, сапоги снимет. Ну, его к чёрту!» Утром встали, собрались и пошли. Оказалось, что ночью нас кричали и искали не из-за сапог. Дело в том, что котлеты, которыми угощали нас эстонки, были отравлены. Кто их поел, получили сильнейшие отравления. Некоторые даже ослепли. Поднялась тревога. Стали искать тех, кто принимал угощение. К нам подбежал доктор и спрашивает: «Ты Альтшуллер? Как вы себя чувствуете?» Мы отвечаем: «Нормально». Он спрашивает: «Вы ели котлеты? А что ещё?» Я отвечаю: «У меня целая каска огурцов была». Врач говорит: «Вот это вас и спасло». Огурцы – это вода, а мы их целую каску съели на троих. Как потом говорили, этих двух женщин поймали. Причём одна из них была учительницей. Думаю, их расстреляли. Такое не прощалось.

Я стреляю – а он стоит!

Я от страха, переживаний или впечатлений забыл в стоге свой бельгийский карабин. Снайперскую винтовку у меня уже забрали. Мы идем, и вдруг я вижу, что все вооружены, кроме меня, а уже прошли километр или три. Я хотел было вернуться, но Сашка говорит: «Ты что? Попадешься в заградотряд и всё. Сейчас что-нибудь придумаем». С нами по дороге ехали подводы, покрытые брезентом. На них солдаты-старика лет по сорок. Он прыгнул на одну подводу, разговорился с дедом, закурили. Потом спрыгнул и говорит: «ПТР-ы везут». Запрыгнул на вторую, я плёлся сзади расстроенный. Вдруг что-то зазвенело. Смотрю, Сашка автомат уронил. Спрыгнул с телеги. Я подхожу, он говорит: «Стой». Когда все телеги прошли, он спускается в канаву и поднимает второй автомат. Это он из-под брезента вытащил автомат ездового. Ну, тот найдёт себе. Там уже было много убито наших ребят. Он не останется без оружия. Так я обрёл этот автомат. В этот же день я был награждён медалью «За отвагу». Опять было наступление, опять стрельба. Побежали по полю в атаку. Рассыпались, бежали и впереди и сзади. Вдруг я вижу под ногами лежащую, толстую, черную, кожаную палку на застёжках. Я уже говорил вам, что у меня было какое-то любопытство, детское что ли. Я поднял что-то похожее на огромный, тяжелый градусник, сантиметров 30-40 длиной и толщиной с ручку от швабры, даже ещё потолще. Пока я нагибался, поднимал и смотрел, взвод немножко вперёд убежал. Стрельбы уже нет. На холме стоит огромный сарай и ребята к этому сараю, а я плетусь сзади с этой штукой под мышкой. Боя практически уже нет. Ребята кинулись в сарай, а я, не доходя до него метров сто, присел на землю рядом с немецким окопом. Положил автомат и стал расстёгивать застёжки на этой штуковине, лихорадочно думая, что же это такое. Там оказался запасной ствол от немецкого пулемёта. И это я пёр километра 4, ну, трофейщик. Пока я с этим разбирался, рядом из окопа раздались выстрелы. Я отчётливо помню, что поначалу мне показалось, будто стреляют в меня. Я лёг и ползу к этому окопу. Подполз вплотную, и вижу, что спиной ко мне стоит фриц, офицер в таком длинном прорезиненном плаще, в фуражке, и стреляет в этот сарай. Какая-то у него была автоматическая винтовка или что – я не знаю. Оказывается, в этом сарае был шнапс, и рота кинулась к этому шнапсу. На минуту я замер. Для меня это было слишком, столько фрицев увидеть близко за два дня. Когда у него кончились патроны, он повернулся боком, чтобы достать из брезентовой сумки висевшей у него на поясе запасной рожок, мне показалось, что он смотрит на меня. Я дал очередь. Ему попало в правый бок, плечо и шею, а он стоит. Я ещё – он стоит. Я ещё, еще... Патроны кончились, а он не падает. Я обежал окоп и бросился к сараю. А там уже Сироткин всех по матери. Оказалось, что немец успел ранить шестерых ребят. Я подбежал – там шум, крик...

Первая медаль

Подошел к Сироткину и говорю: «Товарищ майор, там фриц, который стрелял по сараю. Он вон там в окопе». Он позвал разведчиков, и мы побежали, заходя с разных сторон к этому окопу. Подошли – фриц стоит. Комбат прыгнул в окоп и толкнул его в левое плечо.

Тот развернулся и упал. Вся правая сторона груди у него была разнесена. Ваня Баранов наклонился, снял с него планшет и вынул документы. Это оказался старший офицер, заместитель начальника оперативного отдела дивизии. Это мне уже потом сказали, а тогда я ничего не понимал. Из планшета достали карту, развернули и стали смотреть. К батальону был приставлен артиллерийский офицер, владевший немецким. Сироткин его подзывает и спрашивает: «Что это за карта?» Тот посмотрел и говорит: «Это карта 10 километров. Вот отсюда пять и пять в сторону и столько же в глубину. Здесь нанесены немецкие огневые точки». Сироткин закричал, вызвал радиста и говорит: «Передавай, чтобы немедленно приостановили наступление 134-го, 131-го и нашего 129-го полка». Взял на себя такую ответственность вместе с этим артиллерийским офицером. Потом стал диктовать, что квадрат такой-то – огневая точка: проверить. Квадрат такой-то–проверить. Проверить, проверить... Ну, чтоб потери меньше были. Минут сорок, наверно, сидели, принимали ответы, что правильно, есть огневая точка, пулемёт, орудие, ещё что-то там. Вдругброневичок шлёпает. Сзади несколько джипов с охраной. Вылезает командир корпуса Симоняк. Ему сообщили. Он спрашивает: «Кто командир? В чём дело?» Сироткин доложил. Симоняк спрашивает: «Доказательства есть?» Сироткин показывает на карте и говорит, что вот здесь и здесь подтверждено. Симоняк спросил: «Откуда этот офицер?» Сироткин выталкивает меня и говорит: «Вот он пристрелил». Симоняк оборачивается к адъютанту и говорит: «Медаль». Так я получил свою первую медаль. Правда, без удостоверения. Его мне уже потом выписали. За трофеем получил, а если бы не этот ствол, то пробежал бы мимо, и, возможно, немец и меня подстрелил. Пока всё это происходило, почти вся рота снова подалась в сарай к шнапсу. Потом прислали ребят в зелёных фуражках расстрелять все запасы, но к этому времени ребята уже хорошо заправились.

«Вынь нож. Режь мне руку!»

В сам Таллинн мы не входили, а остановились в местечке Ирру. Там мы отдыхали и получали пополнение. За время наступления взвод потерял шесть или восемь человек. Наш взвод стоял в частном двухэтажном доме. У хозяйки было две или три коровы, так что молока было хоть залейся. Нам выделили для патрулирования участок. Мы там ходили, но было не очень строго. Фронт ушел уже далеко, а этих лесных братьев ещё не было. Так, что мы спокойно отдыхали, отходили от всего этого... Вот такой ещё был случай. Пошли мы в наступление. Километров 6-7 прошли и оседлали какую-то дорогу. Впереди был лесок, из которого стреляли немцы. Пришлось лечь в канавы по обе стороны дороги. Я говорил вам, что у нас были пулемётчики Гнедин и Иголкин. Они поставили свой пулемёт на край канавы в сторону леса. Вдруг из-за поворота выскакивает и несётся на огромной скорости «Опель-блиц», немецкая полуторка или двухтонка. Наше наступление только началось, и немцы надеялись проскочить. Кто-то из ребят бросил гранату. Она ударилась о борт машины и упала к нам в канаву. Нас как ветром сдуло, только Иголкин не успел выскочить... Машина прошла метров двести, когда на дорогу выскочили ребята с противотанковым ружьём Симонова и с нескольких выстрелов её подбили. Там дальше был мостик через речку. Машина врезалась в мост и, перевернувшись, упала в воду. Фрицев всех там прикончило вместе с машиной. Я поднялся – вижу, стоит Иголкин. Рука у него поднята и пальцы висят. Он был крепкий мужик. Ему было, наверное, лет 28. Он говорит мне: «Подойди. Вынь нож». У нас были такие десантные ножи. Он взял правой рукой левую, положил её на бруствер и говорит: «Режь». Вы представляете, резать? А у него там кровь с землёй. Перемешано всё. Я стою не двигаюсь. Тут подходит Гнедин и берёт у меня нож. Но здесь у меня хватило ума. Я отстранил его руку и говорю: «Давай его скорее в ПМП (полковой медицинский пункт)». Они сразу за нами шли. Двое ребят его подхватили и буквально поволокли назад туда... Прошло месяца два. Мы уже были в этом местечке Ирру. А надо сказать, что Сталин издал очень хороший приказ, что гвардейцы после выздоровления должны возвращаться только в свои части. И вот в один прекрасный день распахивается дверь и входит наш старшина Ваня Филимоненко. Он здоровый такой. Настоящий хохол: черноволосый, кулачищи по пуду... Сейчас расскажу о нём

поподробней. И вот он входит и орёт: «Подайте мне Альтшуллера!» Ребята говорят: «Вот он. А чего?» Ваня отходит, а за его спиной стоит Иголкин. Прибыл в часть, представляете? Его подлечили, пришили пальцы. Потом он рассказывал, что делал какие-то физические упражнения для разработки пальцев. И вот он стоит и в обеих руках держит два огромных сосуда с самогоном. Сзади стоят два новобранца, нагруженные колбасой и всякой другой закуской. Со второго этажа, где жили сержанты, спускается Володя Бударин. Иголкин ему говорит: «Собирай всех сюда, всех упою, пока вы все на четвереньках ползать не будете». Бударин сперва слабо сопротивлялся, говорил: «Ты что? Нас тут иногда проверяют, как мы тут патрулируем». Но в конце концов перепились все (рассказывает, улыбаясь). Иголкин довоевал до конца войны. Слава Богу, остался жив и уехал к себе в Сибирь.

Как пьяный Иван потерял медаль

У нас служили два брата Филимоненко. Шикарные хохлы. Такие ребята хорошие. Ваня воевал с 1941 года. Я больше ни у кого не видел, чтоб человек был награждён медалями: «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа» и «За оборону Ленинграда». Он был несколько раз ранен. А ещё за бои под Одессой его наградили медалью «За отвагу», которой он очень дорожил. Она была старого образца: на квадратной колодочке с красной лентой и крепилась на «гайке». У него были ещё три медали «За отвагу», но более поздние, на пятиугольных колодках, крепившиеся на булавке. Когда мы стояли в Эстонии, произошла такая история. Это был просто цирк. Жили мы в немецкой казарме. Офицеры куда-то ушли гулять. Вдруг ночью крик пьяного Ивана: «Рота, подъём!» Поднял нас. Показывает себе на грудь, на которой висит маленькая красная колодочка, а медали на ней нет. Иван тогда здорово подпил. Он нас выстроил в цепь. Собрали там какие-то немецкие газеты, скрутили их в жгуты, зажгли и шастали, наверно, часа полтора. Чертыхались, ругались, нашли – оказалось, не очень далеко он её потерял.

Ну, потом прибыло пополнение, и Ванька Бударин снова взялся за нас. Стал нещадно гонять. Мы ворчали, ругались и чего только про него ни говорили, ну, а когда бой начинался, то всё становилось на свои места. Он был молодец. Это были офицеры, которые на своей шкуре испытали, что такое война, что такое быть солдатом, что такое быть сержантом, а он им был. Он не прибыл на фронт офицером, он прошел краткосрочные курсы. Ну, если хотите, суворовская выучка. Это конечно была работа Сироткина. Он батальон буквально выматывал до седьмого пота, пока не научишься окапываться, быстро ложиться, вставать, стрелять, бежать... На этих приближенных к боевым учениям были даже два случая потерь, когда стреляли через наши головы. Это всё было абсолютно оправданно, потому что в 1945 году мы уже воевали совсем не так. Мы уже воевали не солдатами, а техникой.

Одесский еврей на войне

Заместителем у Сироткина был одесский еврей по фамилии, кажется, Каминский. До войны он работал инженером. Для нас он был уже стариком. Ему было 36 лет. Он рассказывал Сироткину, а Сироткин уже после войны рассказывал мне, как, будучи на Урале, где-то под Нижним Тагилом, где строили танки, он дважды писал заявления, чтобы с него сняли бронь и отправили на фронт. Ему отказывали. Тогда он нашел врача, своего одессита. Тот ему что-то настроил и его сняли с брони. Но всё же он был больным человеком, и его направили в тыловую часть. В то время у Сироткина, командовавшего ещё ротой, погиб заместитель и он нуждался в помощнике. Старшина Филимоненко приехал за боеприпасами на склад, где служил Каминский. Вернувшись, сказал Сироткину: «Вам нужен заместитель? Я видел хорошего мужика. Старше вас, рассудительный ...» Воевавшие люди разбирались и с полувзгляда понимали друг друга. Сироткин приехал туда, увидел его и забрал. И он стал его заместителем.

А чё это такое – еврей?

В то время с пополнением стали приходиться ребята, призванные с бывших оккупированных территорий и из числа бывших военнопленных. Среди солдат отношение

к ним было абсолютно такое же, как и к солдатам призванным из тыловых районов страны. Расскажу о своём непосредственном опыте. Там, где я родился, говорят не «почему», а «почто», не «или», а «але». Помню у нас в деревне, идут ребята с гармонью и поют: «Але ты ня ви, ня видишь. Але ты ня слы, ня слышыш. Красное знамя нясут в пряди». Это такой псковский говорок. И вот с пополнением пришел парень. Подходит он ко мне и говорит: «Давай знакомиться». Мы стали знакомиться, разговаривать. Я ему говорю: «Слушай, а ты “скобарь”». Он спрашивает: «А откуда ты знаешь?» Я отвечаю: «Потому, что я тоже». Вот он был в оккупации. Жил в маленькой деревне километрах в двадцати от Бежаниц. Тут кто-то позвал меня: «Альтшуллер». Он меня спрашивает: «А чё такая у тебя фамилия?» Я отвечаю: «Я еврей». Он так на меня уставился и спрашивает: «А-а что это такое – еврей?» Я ему стал, как мог объяснять. Вот и он с 1941 до 1944 года был в оккупации. Там, где немцы были. Повторяю, к этим людям не было предвзятого отношения.

Штрафники. Телега под названием «амнистия»

Есть в Финском заливе эстонский остров Сааремаа. Теперь называется Эзель. Огромный остров. Там стоит город Куррессааре. Мы там высаживались. Нас там здорово растрепали. И вот мы там отдыхали, ждали пополнение. Жили в бывшей немецкой казарме. Как-то будит меня мой дружок Сашка, который потом погиб, я вам говорил: «Вставай. Пойдём, посмотришь». Вышли. Видим, человек пять за оглобли везут телегу. За ними ещё человек сорок. Голодные, измождённые ребята. Все плохо обмундированы, без ремней в обмотках. Сзади конвой в синих фуражках. Впереди лейтенант. Я спрашиваю Сашку: «Ну, и чего?» Он отвечает: «Это штрафники. Пойдём посмотрим». Мы свободно себя чувствовали и пошли за ними. Свернули с дороги. А надо сказать, что там очень много камней. Все остановились. Вперёд вышел старшина в отличном обмундировании из американской ткани, в шикарных хромовых сапогах с пистолетом на ремне. Взял лопату и очертил ею вокруг едва торчавшего из земли валуна и приказал его откапывать. Они взяли из телеги лопаты. Откопали. С собой у них были деревянные слуги. Их подсунули под него и всей армадой вытащили этот камень. Последовал приказ откатить валун метров на 15 и закопать яму. Потом они сложили лопаты в телегу. Снова впряглись в нее и пошли обратно. Кстати, как мы потом узнали, эту телегу они называли «амнистия». Мы тоже вернулись к себе и рассказали ребятам о виденном. Я сказал: «Может, жратвы им соберем». Нас тогда кормили очень хорошо. Собрали мы в пакеты еду, обернули бумагой и, когда они возвращались, подошли к этому лейтенанту и говорим: «Можно ребятам дать подхарчиться?» Он отвечает: «Переживут. Не лезьте». Мы не то чтобы испугались, но как-то стушевались. Тут выходит наш сержант, пулемётчик. Фамилию его не помню. У него было два ордена Красной Звезды. Он говорит этому лейтенанту: «Посмотри на свою ... и на них». Тот побагровел, задёргался, но нас было человек восемь фронтовиков. Ну, мы отдали продукты. На другое утро снова будит меня Сашка. Я говорю: «Слушай, ты мне спать дашь?» Он говорит: «Пойдём. Увидишь картину». Снова движется вчерашняя процессия. Приходят к вчерашнему камню. Старшина отходит метров на двадцать, очерчивает лопатой большой круг и говорит: «Копайте на 10 штыков». Они молча выкопали. Старшина приказывает подкатить и сбросить в яму вчерашний камень. Скинули, закапывают. Сашка спрашивает меня: «Если завтра ты придёшь сюда, ты понимаешь, что увидишь?» Я понял. Дня через два мы встретили старшину, всем этим руководившего. Подошли и спрашиваем его: «Старшой, чего это вы делаете? Зачем?» Он говорит: «Ты не понимаешь. Это враги народа...» Как-то один раз их привели к нашей кухне. Повар наложил им полные котелки. Мы подсели к одному из этих штрафников, парню лет 26-и. Стали его спрашивать. Он посмотрел на нас и говорит: «Ребята, дайте поесть». Расстегнул карман гимнастёрки, вынул бумагу и даёт нам. Это был отпечатанный на машинке приговор военного трибунала. Фамилию его я не помню, но текст был примерно такой: «Герой Советского Союза, лётчик морской авиации, старший лейтенант ф. и. о., находясь в ресторане ..., будучи пьян, затеял ссору с офицерами сухопутных войск и с криком: «Бей серую шинель!» выскочил и сломал нос... Выбил зубы ..., приговорён к пребыванию в штрафном батальоне...» Больше мы их не видели. Через

несколько дней мы уходили на фронт. В дорогу нам выдали доп. паёк – я предложил отдать его штрафникам. Рядом с нами стояли бараки, в которых располагались солдаты эстонского корпуса. Мы собрали плащ-палатку продуктов и попросили двух эстонских ребят передать её штрафникам.

И еду выманили, и полушубки вернули

После отдыха в октябре 1944 года мы отправились на фронт. Ехали поездом в теплушках. Помню, что-то нас очень плохо кормили. Очень хотелось есть, а тем, кто постарше, и выпить. Сам я тогда не пил. Подъезжали мы к литовскому городу Шауляй. Там ещё было большое танковое сражение, и он был сильно разбит. С нами в вагоне ехал командир роты капитан Смирнов, до войны работавший на Кировском заводе. Он потом погиб у меня на глазах. Капитан играет на гитаре и подзывает меня, говорит: «Будешь подпевать мне еврейскую песню „Разменяйте мне сорок миллионов”?» Я никогда до этого этой песни не слышал. Он говорит: «Как это, ты еврей и не знаешь?» Во взводе было нас четверо евреев, двое из Одессы. Капитан начал играть. Подошел Мишка и за ним остальные. И они стали ему подпевать. Потом ещё две или три песни. Ребята стали просить ещё, но он отложил гитару, сказав, что на голодный желудок не поётся. Дескать, вот всё бы отдал, чтобы поесть и выпить. Мишка спрашивает: «Всё бы отдали?» Капитан отвечает: «Всё». Мишка говорит: «Ну, тогда снимайте полушубок. Какой у вас размер обуви?» Капитан ответил. Тогда Мишка спросил у лежавших на нарах солдат, у кого ботинки такого же размера. Велел снять и, обратившись к капитану, говорит: «Снимайте валенки». А валенки у него были новые. Капитан спрашивает: «Зачем?» Мишка отвечает: «Да я верну. Будет и выпить и закусить». Тот снимает. Так же Мишка снял полушубки со старшины и заместителя командира роты. В общем, он четверых раздел. Солдаты бросили им ботинки и фуфайки, чтобы не замёрзли – всё же офицеры. Мы остановились, Мишка быстро сбегал и узнал, что будем стоять два часа. Вернулся и говорит мне, ещё одному солдату и моему другу Сашке: «Надевайте красные повязки патруля. Берите автоматы». Он, Кузнецов Лёша и ещё один забрали всё это барахлишко, а всё было новое. Эти полушубки белоснежные. Такая красотища. Пошли на площадь, где был рынок. Перед этим он нам объяснил всю операцию. Подходим к рынку, где литовцы торгуют копчёным мясом, самогоном, только что выпеченным хлебом... Он приценивается, отдаёт полушубок, забирает в вещмешок продукты. И так ко второму, третьему... А мы идём сзади и примечаем. Потом подходим к первому литовцу и говорим: «Вы раздеваете армию. Идёт война. Вы что, хотите прогуляться с нами в комендатуру?» Он, конечно: «Нет, нет, нет». Отдаёт полушубок. Короче все полушубки и валенки мы забрали. Вернулись с едой, питьём, полушубками и валенками. Хватило на весь вагон. Каждый принёс по вещмешку продуктов за спиной и по два «сидора» в руках. Чего там только не было. Ребята хорошо подпили. Ехали весело. Пели песни под гитару.

Азохенвейщики

Сидим мы как-то в землянке. Четверо евреев. Это я не в сторону ухожу, а вспомнилось. Сидим, разговариваем о своём. Входит наш взводный Ваня Бударин и произносит фразу, от которой мы рты раскрыли: «Ну, о чём толкуем, „азохенвейщики”?» Спустя лет двадцать были мы в очередной раз в Каменке. В очередной раз там напились. Я говорю: «Вань, откуда ты это подцепил? Ты же русский человек, уралец». Он отвечает: «Мишка, меня и не такому научил. Сейчас скажу. Только ты сядь, а то упадёшь». И он мне выдал два ругательства на хорошем еврейском языке. Одно: «Поцелуй меня ...». Другое примерно в том же смысле.

Орден Славы и благодарственное письмо от Сталина за «Фердинанд»

Продолжу. Так мы подхарчились и поехали дальше. Выгрузились, потом марш-бросок. Есть в Литве такой город, кажется, «Альтсетзай» (запись не разборчива. Возможно, Аникщяй). Короче говоря, там полёг практически весь батальон. Сироткина с нами тогда уже не было. Его направили на какие-то курсы и до конца войны мы с ним не встречались. Не помню, кто тогда был комбатом. Дважды мы по снегу атаковали фрицев... И очень неудачно. Мы заняли немецкий окоп. Снег. Лес. Справа

поднимался склон широкого холма, поросшего лесом. Протянули провод, как обычно. Как-то я оказался рядом с комбатом. По телефону на него кричат. Он говорит, что надо танки или самоходки. Потом я понял, что ему приказывают обойти немцев справа лесом. Он послал туда нескольких ребят. Помню, среди них был мордвин по фамилии, кажется, Рускин. Через полчаса из четверых возвращаются двое. У этого мордвина рука болтается, как неживая. Немцы ему её прострелили. Они говорят, что там самоходка. Комбат доложил по телефону и что-то там на него стали очень громко кричать. Даже нам было слышно. Комбат стал оглядываться, и ребята сыпанули от него. Я не успел. Конечно, если бы сообразил, то сделал так же, как и все. То есть они поняли, что он сейчас пошлет кого-то подрывать эту штуку. Комбат говорит мне: «Подойди. Возьми с собой семь человек, каждому по две противотанковые гранаты и по бутылке с зажигательной смесью...» Тут же стоял лейтенант, который за день до того струсил и хоть не был ещё разжалован, но был отстранён от командования взводом. Комбат говорит ему: «Пойдешь с ребятами. Вернёшься целыми – верну погоны. Тебя он поведёт». И указал на меня. И значит, мы туда пошли... Вначале шли по снегу нормально, потом всё глубже и глубже. Вышли на просеку и увидели эту штуку... Самоходное орудие «Фердинанд»... В общем, ужасно, конечно. Пока мы подбирались, ползли, этот лейтенант опять струсил и, отстав, увёл с собой двоих. Я залёг в воронке, метрах в двух от просеки. Ребят я отослал от просеки влево. Они отползли, легли у дерева на самом краю. Я как будто чувствовал и показывал им рукой, чтобы отползли подальше. А он идёт, зараза, спускается во фланг батальону. Если бы он дошел, то расстрелял бы остатки батальона – и всё. Шел он медленно и вдруг метрах в тридцати от нас остановился. Открылся люк и из машины выскочили двое. Встали впереди у гусеницы лицом ко мне, развернули, наверное, карту и стали смотреть. Тут я сообразил, что это шанс. Ухлопать этих и тогда не надо трогать танк, и живы останемся. Но если бы знать, что это был не весь экипаж. Автомат у меня был поставлен на одиночные выстрелы. Я перевёл его на автоматический и, наверное, от страха встал и в упор: в одного сразу попал, и он под гусеницу уполз, а второй успел заскочить. И он «выплюнул» из пушки. Попал в то дерево, под которым лежали эти трое ребят. Их сразу убило. Мне попало в голову: осколок пробил каску у левого виска. От этого ранения впоследствии я потерял глаз. Ещё попало в левый бок, у спины в районе живота. Была, конечно, серьёзная контузия, но сознание я не потерял. Просто упал в воронку. Когда очухался, он был от меня уже метрах в трёх. Отчётливо помню, что когда он проползал, то я видел, как снежинки тают у него на борту. Наверное, сгоряча я приподнялся и бросил в него бутылку. Тогда были уже самовоспламеняющиеся, которые не надо было предварительно поджигать. Он сразу вспыхнул. Я, даже не подобрав автомат, рванул в лес. Я бежал не в сторону батальона, а вниз к проходившей недалеко просёлочной дороге. При этом, наверное, ревел, потому что помню, текли сопли, слёзы, кровь хлещет в валенок. Оглянулся и вижу, что за мной бегут двое этих танкистов, эсэсовцев. Я быстрее – и они быстрее. Я остановлюсь – и они. Я начал шарить под маскхалатом, где на ремне у меня висел трофейный пистолет и две лимонки «Ф-1». Ремень расстегнулся и сполз вниз к ноге под маскхалатом. Это всё. Его оттуда уже не взять. Единственно, что я успел выхватить одну гранату. Не очень-то я тогда соображал. Выскочил на дорогу, а по ней идут «доджи» с 76-и миллиметровыми орудиями. Я сел у дороги. Шедший впереди «виллис» останавливается, выскакивает офицер, склоняется надо мной. Помню, что увидел погоны подполковника. Как я потом узнал, это был командир артполка. Он спрашивает: «В чём дело?» Я говорю: «Танк там». Я же не знал, идёт он или не идёт. Подполковник скомандовал, сразу отцепили две пушки и на руках потащили туда. Я сижу. Минут через двадцать пушки возвращаются, и командир орудия докладывает. Одного из тех танкистов они убили, а второго притащили с собой. Подполковник снова наклоняется и спрашивает: «„Фердинанд“ ты спалил?» Я что-то ответил. Он говорит: «Давай красноармейскую книжку». Какая там книжка, я сижу - помираю. Тогда, кажется, адъютант достал у меня книжку. Они что-то там списали и сунули её мне обратно. Под живот на рану подложили перевязочный пакет. Потом, видя, что я без оружия, сунули в

руки карабин, расселись по машинам и уехали. Сижу я с этим карабином. Мне всё хуже и хуже. Вдруг вижу, как в тумане с другой стороны ко мне фриц идёт. Я прилег, передёрнул затвор и в упор выстрелил в него. Он упал метрах в 7-10. Я приподнял голову и вдруг такой отборный мат... Только на флоте потом я такой слышал. Оказывается это мой старшина Филимоненко. Дело в том, что пока всё это происходило, подошли наши самоходки и батальон, пробив в немецкой обороне дырку, пошел вперёд. Филимоненко, понимая, что с этим проштрафившимся лейтенантом каши мы не сварим: что-нибудь произойдёт. И он, отпросившись у комбата, пошел по нашим следам – увидел сгоревшую машину, троих убитых ребят и мои следы. Вышел на дорогу и тут я в упор в него стрелял. Он взвалил меня на себя и потащил в медсанбат. Там положили в огромную палатку. Помню, стучал движок генератора и ещё, как выносили из палатки умерших солдат, не выдержавших операции. Подошел врач спросил, когда ранили. Я что-то промямлил. Потом он достаёт огромный, величиной с бутылку, шприц с длиннющей иглой и делает мне укол. Может, мне и показалось, что шприц был такой громадный. Дело в том, что я с детства и до сих пор ужасно боюсь уколов. Потом мне вытащили осколок, который у меня сохранился до сих пор, рану заткнули тампоном. Затем погрузили на машину, довёзшую до железной дороги, а там, на «летучку», такой санитарный поезд, и в Ленинград.

За этот «Фердинанд» меня наградили орденом Славы, который мне вручили, когда я ещё один раз был ранен и лежал в госпитале уже после войны. Вместе с орденом я получил благодарственное письмо и грамоту за подписью Сталина.

Ленинград. Госпиталь. Наркоз от Сары Моисеевны

В Ленинграде я лежал в госпитале 10 14. Это Мойка,48. Моя будущая «альма-матер», Герценовский институт. Тогда это был гигантский госпиталь. Там я отлёживался до начала 1945 года. Когда меня только привезли, помню, приходит в палату в окружении свиты начальник отделения, полковник медслужбы, Сара Моисеевна – фамилию, к сожалению, не помню. Посмотрела она меня и говорит: «Ну, хватит, навоевался. Когда выздоровеешь, спишем». Первый раз я её увидел, когда сразу по прибытии меня отправили в операционную. Мне надо было снять тампон. Медбрат, здоровый такой парень, потянул. Я заорал и сказал, что я не дам. Она обернулась ко мне, выругалась. Надо сказать, что она курила, и у неё были такие руки... Ну, настоящий хирург. И говорит: «Как не дашь?» Я говорю: «Ну, не дам и всё». Ну, больно. Тянут, а там изнутри... Такое впечатление, что сейчас помрёшь. Она говорит в таком духе, что, мол, снимите этого дурака со стола. Меня сняли, посадили на пол. Сара Моисеевна говорит: «Помойте ему руки спиртом. Пусть сам вынимает». Мне моют руки, а она наклоняется надо мной и говорит: «Закрой глаза». И надевает мне на лицо маску. Я не понял, в чём дело, а это был наркоз. Она говорит: «Считай». Я досчитал до 15-и или 20. Она рванула и вынула этот тампон. Всё понятно: привезли сотни раненых – чего тут со мной одним возиться. Шел конвейер: надо было быстрее, быстрее. Всё это было оправдано. Когда в следующий раз меня привезли на перевязку и, несмотря на то, что там работали и другие врачи, я опять попал к Саре Моисеевне. Потянули приклеенную марлю, я заорал и говорю: «Всё, меня больше не обманете!» Она говорит: «На пол его. Мойте ему руки. Не бойся, маску надевать не буду. Ковыряйся сам, но если расковыряешь рану, отдам под трибунал». Сказано это было на полном серьёзе, потому что некоторые это делали, чтобы не идти снова на фронт. Я по краям отклеивал. Она подходила ко мне, говорила: «Ну, молодец». Потом ещё несколько раз такое случалось. Заживало всё хорошо.

Сара Моисеевна: «Тебе ногу отрезали или голову?!»

У нас в палате лежал лётчик-истребитель. Раненые, у кого были награды, прикалывали их к полотенцу, висевшему в головах на спинке кровати. У этого лётчика там висела звезда героя и орден Ленина. Это был довольно молодой парень 23-27 лет. Фамилию не помню. Он был ранен в обе ноги. Одна была раздроблена и уже начиналась гангрена. Сара Моисеевна ему отняла ногу немножко ниже колена. Когда он на другое утро очнулся, понял, что у него нет ноги, и в это время она вошла, он схватил костыль и швырнул в неё. При этом дико закричал, мол, как ты смела!.. Я лётчик!.. Она подошла к нему и дала целую отповедь. Слов я не помню, но смысл был такой: «Замолчи, - дальше какие-то не очень цензурные слова, - тебе, что голову отрезали? Идиот. Вылечишься, лётчиком не будешь, захочешь остаться в авиации, станешь механиком. Тут люди помирают. Они были бы рады поменяться с тобой, если бы у тебя даже двух ног не было». Ну и так далее. В общем, отругала его, на чём свет стоит, и ушла. Нас в палате было человек шесть. Напротив меня лежал татарин, фамилию не помню. Он учил нас говорить и ругаться по-татарски. Он нам тогда казался стариком. Вот когда она ушла, этот татарин на костылях подошел к лётчику и потихоньку, по-дружески его отчитал: «Как ты смеешь? Ты молодой человек. У тебя всё впереди. Со второй твоей ногой ничего не стало. Научись ходить на одной. И когда-нибудь от стыда не сможешь рассказывать, что ты наделал. Она же спасла тебе вторую ногу. Я когда в ожидании операции лежал в предбаннике операционной, то слышал через приоткрытую дверь консилиум врачей, когда тебя усыпили. Все говорили, что не надо ждать, когда на другой ноге начнётся гангрена, как на первой, а надо отрезать обе. Она единственная была против, сказала, что она сама будет делать операцию и постарается спасти вторую ногу. Отнять же ее всегда успеется. Когда она придёт, ты уж извинись перед ней». На следующий день в помещении напротив нашей палаты показывали художественный фильм под названием, кажется, «Подводная лодка Т- 9». Все ребята, кроме меня и лётчика, ушли смотреть. Мне так захотелось тоже посмотреть кино. Когда уходил последний, я его попросил пододвинуть ко мне две табуретки. Они ушли, то есть как ушли:

кто на костылях, кто с палкой. Я втащил своё тело на первую табуретку. Сел. Потом пересел на вторую. Переставил первую вперёд, ближе к двери и перелез на неё. Так я, наверное, за полчаса выбрался в коридор и добрался до комнаты, где демонстрировался фильм. Ребята открыли двери и втащили меня. И тут я рухнул, потеряв сознание. Наверное, перетрутился, и там душно было. На другой день я получил от Сары Моисеевны по первое число. Она кричала в таком духе: «От фронта отлынуть захотел! Как ты смел?!»

«Хватит, навоевались!»

Ещё в блокаду окна госпиталя были заложены кирпичом. В помещениях стоял затхлый воздух, и от этого многие болели. Раны тоже плохо заживали. Моя рана начинала гнить, и я уже не мог выносить запаха идущего из-под одеяла. Как я думаю, по этой причине нас отправили на Карельский перешеек, куда-то под Песочное. Там стояли деревянные домики. Сара Моисеевна осматривала нас там и говорила: «Мальчики, старайтесь много не ходить. Не обманывайте меня. Выздоровеете – демобилизуем. Хватит, навоевались. Всё будет в порядке». Потом стала говорить, что дадут отпуск на полгода, потом на три месяца, а потом в команду выздоравливающих.

«Всё, на фронт!»

Внутри герценовского городка, там, где сейчас «худ-граф», была команда выздоравливающих. В один прекрасный день собрали нас человек пятьдесят. Сидит Сара Моисеевна. Ей подсовывают наши дела раскрытые на последней странице. Она читает и решает: кого комиссовать, кого во временный отпуск, кого на фронт. Подошла моя очередь. Она, глядя в моё дело, говорит: «Присядь, встань. Всё, на фронт». И я засмеялся. Она посмотрела и говорит: «Ты что, дурак? Я же тебя не к маме направляю, а на фронт». Я говорю: «Доктор, вы же обещали меня на год, а потом на полгода ...» Она перелистала в начало: «А, ленинградец. Ну, ладно иди к мамке на три дня. Через три дня на сборный пункт».

К марту 1945 года меня выписали, и попал я в морскую пехоту. Собирали нас в бывшем Базовом матросском клубе. Потом он стал Домом офицеров. Это здание одной стороной выходит на площадь Труда, а другой - на Поцелуев мост. Это рядом с «Новой Голландией». Там из выздоровевших после ранений формировали маршевые роты. Когда закончилось формирование, к выходящим на Поцелуевмост воротам подошли машины, которые нас отвезли на вокзал. Сели на поезд и вскоре оказались в литовском городе Пагегяй. Он находится в нескольких километрах от Немана, на другом берегу которого стоит немецкий Тильзит. Там формировался наш отдельный батальон морской пехоты. Сам бросок через Неман я не помню. Тильзит мы обошли, но бои были страшные.

«Солдатами дома не штурмовать».

Перед наступлением нас построили и зачитали самый короткий приказ в истории Великой Отечественной войны – приказ самого молодого командующего фронтом Ивана Даниловича Черняховского. Мы вступали на немецкую землю: «Солдатами дома не штурмовать». Этот приказ зачитал командир нашей бригады морской пехоты. Что это значило. Заранее наши самолёты сбрасывали листовки, чтобы местное население уходило. Врывались в город. Идёт пехота, а из дома, положим, начинает бить пулемёт. Пехоту останавливают и вызывают самоходную установку «Сау-150». Такие мощные самоходные орудия 150 мм. У них на конце дула такие, как бочки. И вот они подходят и бьют в этот дом, пока он не превратится в груды кирпича. Потом поднимают пехоту.

Дорога на Берлин. «У “языка” стучали зубы». Пожалели старого фрица

После прорыва мы вышли на мощёную дорогу. Идём, идём предельно усталые, перегруженные. Уже полбатальона выбито. Идём буквально вымотанные. Тут выходит наш замполит, старший лейтенант Ямошпольский. Поднимает руки, чтобы мы остановились и спрашивает: «Знаете ребята, как эта дорога называется?» Мы, конечно, не знали. Он говорит: «Берлинка, потому что она ведёт на Берлин». Одна эта фраза нас так воодушевила...

Как-то после боя нас отвели, и мы стояли в лесу, а в этой чёртовой Пруссии все леса сеяные: деревья стоят рядами – ну, вы знаете. Стоял апрель, солнышко так пригревало. Прибегает старшина второй статьи и вызывает меня к командиру. Я прихожу, там сидят восемь наших разведчиков. Им было поручено перед наступлением взять «языка». Меня послали с ними как переводчика. Командир говорит: «Даю сутки. Приведёте “языка” – получите по ордену». Забегая вперёд, скажу, что привести-то привели, но не получили ни медали. Ну да это не важно. Ночью мы удачно перешли нейтралку. Прошли километров 8-10. Помню, там были песчаные дюны. Вот сели между этих дюн, но нет немцев. Не видно ни черта. Командовал нами старший лейтенант, заместитель командира бригады по разведке. Сидим мы в этих дюнах и рассуждаем, что же делать. Вдруг приползает один из двоих наших наблюдателей и говорит: «Фриц идёт». Смотрим, по тропинке идёт немец. Насвистывает какую-то песенку. Тёпленький, прямо к нам идёт. Взяли, он даже пикнуть не успел. Связали руки, посадили. Оказался обер-ефрейтор. Сидит. Я начал его допрашивать. В начале он не мог говорить, так у него стучали зубы. Ну, это понятно, такое увидеть. Потом, ничего, успокоился. Оказалось старик, 52 года. Работает истопником в госпитале или доме отдыха для лётчиков, расположенном недалеко. Нам такой «язык», да и его лётчики были не нужны. Ну, что они могут нам рассказать? Встал вопрос, что делать? Без «языка» возвращаться нельзя. Надо идти дальше. Стали советоваться, что делать с пленным. Фриц всё понял. И обращаясь, ко мне просит: «Папир». Дали ему листок бумаги и карандаш. Он написал и, отдавая мне записку, объяснил, что живёт в Бремене, что у него трое детей, и он просит нас, если уцелеем, передать эту записку по адресу, который он на ней написал. В записке он написал, что тяжело ранен и наверно не придёт. Я перевёл наш разговор ребятам. Они сидят, ничего не отвечают. Ну, понятно, старика, безоружного – сами понимаете, не просто. Тут он говорит, что впереди, метрах в двухстах, проходит рокадная дорога. Командир оставил с пленным одного человека, приказав, если услышит стрельбу, немца прикончить. У одного глав старшины был прихвачен с собой офицерский плащ, фуражка и такой большой жетон полевой жандармерии, вешавшийся на шею. Мы залегли в кустиках по обе стороны дороги – и вдруг легковая машина: «Опель-капитан». Наряженный главстаршина выходит на середину дороги. Картинно встаёт и железом указывает машине на край дороги. Машина остановилась, и мы выскочили. В машине находились двое офицеров. Один, как увидел нас, выхватил пистолет и застрелился. Другой остался и дрожал, держа в руках какой-то портфель. Водитель выскочил и побежал. Ему из автомата очередь в спину. Вытащили офицера. Он оказался заместителем начальника оперативного отдела то ли дивизии, то ли корпуса. Открыли багажник, а там две корзины со старинным французским вином. Ну, разве матросы могли это дело оставить. Вытащили. Командир спрашивает: «А что с машиной делать?» Я вызвался отогнать её в кусты. Там поднял капот и перерезал провода, которые шли от бобины к цилиндрам. Пленному майору на шею накинули его же брючный ремень, за который его вели. Куда ему деваться. Да и брюки у него плохо держались. Пошли обратно... И вдруг все одновременно кинулись бежать. Представляете, стало жаль немца, которого должен был прикончить оставшийся с ним боец, если услышит выстрелы на дороге. Подбегаем, а он спокойно спит и даже похрапывает: сморило на солнышке. А рядом фриц, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту. С ужасом таращится на него и на нас. Ночью благополучно перешли линию фронта. В штабе сдали немецкого капитана. Там же написали большое письмо, в котором рассказали, как благодаря этому старику была обнаружена рокадная дорога, был взят ценный «язык», и просили отпустить нашего фрица домой. Вручили ему это письмо и, показав, куда идти, отправили его без конвоя на сборный пункт пленных. Это запомнилось, потому что сами ещё не знали, придём ли живыми, а старого немца стало жаль.

Кёнигсберг дался страшно

Бои были тяжелые. Особенно страшный бой был, когда ворвались в Кёнигсберг. Мы прорывались через Литовский вал, недалеко от реки Прегель. Перед рвом Литовского вала

– кажется, справа, – было кладбище. За мостом через ров стоял старинный кирпичный форт с фигурами рыцарей на крыше. Ну, там они нам дали. Как я понимаю, именно в том месте у нас была плохо поставлена разведка. Мы брали одну улицу, и вдруг сзади оказывались немцы. Причём мы морская пехота, и против нас тоже воевали моряки, снятые с кораблей: здоровенные, хорошо подготовленные мужики. Там мясорубка была страшная, просто ужасная. От нашего батальона остались одни ошмётки. Мало уцелело ребят, очень мало. В отличие от Берлина, в Кёнигсберг танки не вводили. Помню, когда прорывались, слева от нас был королевский замок. Кёнигсберг дался, конечно, страшно.

Кое-что из мародёрства

Из нашего пребывания в Кёнигсберге запомнился ещё такой эпизод. Ворвались мы в какой-то музей. Помню, это было двух- или трёхэтажное кирпичное здание. Поджидали, пока соберутся остальные ребята, потому что улица простреливалась, и идти дальше было невозможно. Сзади за нами шли пехотинцы – вбежало несколько солдат во главе с капитаном. Это я хорошо помню. В помещении, где мы находились, стояли витрины, в которых лежали какие-то монеты или медали. Капитан подошел, посмотрел, повернулся к одному из своих солдат и говорит: «Сними „сидор”». Солдат снял. Капитан говорит: «Вытряхни всё, что там у тебя есть». Солдат вынул сухари, ещё что-то. Капитан говорит: «Всё, я сказал». Тот говорит: «Там патроны и две гранаты». Он говорит: «Я приказал». Ну, солдату что делать. Вытряхнул всё. Тот локтём в шинели ударил по стеклу, подозвал двоих солдат и говорит: «Выньте стёкла». Они вынули. Он стал собирать монеты и складывать в этот мешок. И так он три или четыре стекла подряд... С нами был старший лейтенант морской пехоты. Фамилию не помню, но помню, что он выдернул ТТ, подошел к этому капитану и говорит: «Положи обратно». Мы замерли. Тот что-то стал дёргаться, а старший лейтенант говорит: «Положи обратно. Это не тебе принадлежит. Это всем нам принадлежит». Ещё говорит, обращаясь к пехотинцам: «Выйдите вон». Но они стоят. Капитан заорал на солдат, чтобы они защитили его. Старший лейтенант обернулся к нам и говорит: «Наставьте на них автоматы и заставьте их уйти». Автоматы мы не наставили. Просто солдаты сами ушли. Остался только этот капитан. Старший лейтенант подвёл его к лестнице и так его швырнул там, что тот, по-моему, кубарем по лестнице спустился. Кричал: «Я вернусь!..» Но, конечно, не вернулся. Вот это я видел. Ну, конечно, было кое-что из мародёрства. Конечно, было.

Тёпленький немецкий генерал

Помню, ворвались мы без единого выстрела, кажется, в Прёйсиш-Эйлау (ныне город Багратионовск). Немцы ушли. Это было уже после взятия Кёнигсберга. Сидели мы что-то у дороги, рядом с домами, ждали чего-то, курили. И вдруг тарыхтение: едет мотопед или мотоцикл с узенькими колёсами. На нём немецкий генерал, прямо к нам... Тёпленький. Мы выскочили, он рот разинул... Придя в себя, немец начал на нас орать. Я не настолько хорошо знал немецкий язык, чтобы понять, о чём речь, но с нами был переводчик. Такой с чёрной бородой, фамилию забыл. Он стал нам переводить. Генерал орал, что как это вы здесь, тут должна быть наша часть. Как это, мол, вы здесь оказались. Помню, что у него был один крест на шее и второй на груди.

«Око за око»

Сейчас много пишут и говорят о наших зверствах в Германии. Кто-то так, кто-то неверно, кто-то серединку выбирает. Но очень важно понять одно. Наш народ пришел туда с пепелищ. Потеряв родных, близких, города, деревни – абсолютно всё... У Константина Симонова есть поэма «Ледовое побоище». У меня хорошая память, поэтому я запоминаю то, что мне нравится. Вот этот отрывок характеризует нашу армию, которая вошла в Европу. Как известно, сперва тевтонцы захватили Псков, а Ледовое побоище было потом. В этом отрывке речь идёт о псковичах:

«Их немцы доняли железом.
Угнали их детей и жен.
Их двор пограблен, скот порезан,

Посев потоптан, дом сожжен.
Их князь поставил в середину,
Чтоб первый приняли напор, –
Надёжен в чёрную годину
Мужицкий кованый топор!».

И вот когда вошли мы в Пруссию, по Берлинке шли, не просто было себя сдерживать. Не все же немцы успели убежать. Да и сопротивлялись немцы страшно. Дважды я участвовал в танковом десанте. Когда нас сажали на «тридцатьчетвёрки». Первое, что говорили нам танкисты: «Увидите немца с трубой, сразу стреляйте, иначе и нам конец, и вам конец». Накал был страшнейший, ужасный, нечеловеческий. И сдержаться было непросто. Конечно, говорили там замполиты и все, что осторожней к мирному населению... Это не значит, что расстреливали мирное население, но если случилось... Дело не в оправдании тех, кто это делал, но понять-то можно? Как же иначе? «Око за око». Тут уж ничего не сделаешь, когда у тебя позади сожженное и разваленное твоё родное.

Пиллау. Расстрел на берегу моря

Когда ворвались в Пиллау (Балтийск), бои были уже не такие сильные, и город почти не пострадал. Мы быстро проскочили его. Помню, там коса Фрише-Нерунг. Мы двое суток не спали, буквально падали и вдруг напоролась на человек 400-500. Короче, больше нашего батальона. Прижали их к морю. Оказалось, власовцы, а может, и нет. Короче русские мужики, вооруженные и одетые в немецкую форму. Потом они сдались. Тут, как я позднее понял, перед комбатом встал вопрос: что делать? Батальону приказано продвигаться дальше. Оставить их здесь – это наверняка погубить остатки батальона. Он принял такое решение: весь батальон отправил дальше, оставив один взвод; от пленных отделили примерно двадцать человек, а остальных расстреляли на берегу моря. Оставшихся заставили стаскивать трупы в море. Другого выхода у комбата не было. Если бы он этого не сделал, то и нашего разговора не было бы. Потом был трибунал. Да, на фронте много было таких вещей, страшных, что дальше некуда.

Гданьск. Попытка спасти горящего

Как от Пиллау мы добрались до Гданьска, я не помню. Немцы засели в доме в предместье, по-моему, Гданьска – точно сказать не могу. Этот трёхэтажный дом был нашпигован... В подвале стояли пулемёты, на первом этаже находились мирные жители, поляки. На втором снова немцы, стрелявшие по нам из амбразур устроенных в заложённых кирпичом окнах. На третьем этаже снова мирные жители. На чердаке стоял пулемет, бивший с высоты на выбор, поэтому его надо было снять в первую очередь, иначе роту было не поднять. Командир послал троих ребят, но они все погибли. Тогда ротный посылает меня и ещё одного парня. Мы не пошли прямо в лоб, долго огибали. Помню, какая-то труба: наверное, канализационная, но сухая. Проползали по ней, пробираясь в тыл к этому дому. Моим напарником был главстаршина Данилин из Белоруссии. Ему было уже 36 лет. Срочную он служил на флоте. С началом войны был призван снова во флот. Сперва служил на корабле, а потом в морской пехоте. Когда немцы ворвались в его село и увидели на стене в доме портрет Данилина в морской форме, то его жену и двоих детей повесили на воротах их дома. В 1944 году ему пришло письмо с описанием... После этого, когда ребята брали пленных, он просил их отвести и по дороге уничтожал. Понять его можно. Когда мы подобралась сзади к этому дому, Данилин заметил железные скобы, вбитые в стену на углу здания и ведущие на крышу. Поскольку я был полегче, то полез первым. Забрались на крышу – там чердачная дверь. Мы приготовили гранаты, открыли дверь и кинули их туда. Как заранее договорились, он шагнул вправо, а я влево. Он наступил на мину, рядом с которой была какая-то ёмкость с бензином. Она рванула, и он кричал. Весь горел, спасти его я не мог, но что-то меня толкнуло. Я кинулся к нему... И всё. Больше я ничего не помню.

«Ну, Альтиуллер, твою еврейскую кровь испортили!»

Когда я очнулся, то первое, что увидел, – это сидевшую рядом красивую-красивую, светловолосую, голубоглазую девушку. Она улыбалась и гладила меня по голове. Палата была на двоих. Рядом лежал, кажется, азербайджанец. Вошел доктор и говорит: «Всё в порядке?.. Ну, вот тебе подарок». И отдаёт извлечённые из меня осколки. Смотрит на меня и продолжает: «Ну, Альтшуллер, твою еврейскую кровь испортили. Вот она дала свою польскую кровь. Это католичка». Повернулся к другому и говорит: «Ну, а ты мусульманин, не знаю, как и разбираться будешь. Вот сейчас придёт та, которая давала тебе кровь. Она ведь полунемка. Понимаешь ты? Полунемка». Девчонки давали нам кровь. Когда, уже после войны я был в Гданьске, то ходил искал этот дом. Облазил всё до порта, но не нашел. Пробыл я в этом госпитале недолго. Вскоре погрузили на поезд и привезли в Ленинград. Снова в госпиталь, расположенный в здании института имени Герцена.

Коробочка с деньгами на веревке

Тогда люди были те же, что и сейчас, но они пережили много горя, и поэтому честность у них была в крови. Наша палата находилась на третьем этаже. Ребята лежали в основном молоденькие. Кому-то хотелось конфеток купить, кому-то папирос. Делали так: на шпагате из окна спускали спичечную коробочку с деньгами и просили прохожих сходить в магазин и купить нужное – через полчаса тебе приносят это. Не было случая, чтобы кто-то взял деньги и не принёс.

9 мая. Перепились и начали палить в небо

Девятого мая в госпитале началось что-то невообразимое. Кто-то достал припрятанные пистолеты и начал палить из окон в небо. Все перепились. Только Сара ходила, упрашивала: «Не надо. Тебе много нельзя. У тебя сердце не выдержит». Но какое там. Госпиталь не приходил в себя, наверное, неделю. Несмотря на то, что при входе в него была охрана, приходили люди. Пожилые, молодые, приносили водку ещё что-то. Ну, понять же всех можно. Выжили же, ну. В таком аду уцелеть... Какая там медицина? Всплеснулось бессознательное, звериное в лучшем смысле этого слова чувство: уцелели, уцелели! Война кончилась! Всё. Ну, и казалось, что впереди только рай нас ждёт. И всё будет в порядке.

«Уважаемые товарищи гвардейцы! Вернитесь в свою часть!»

После госпиталя, на удивление, меня направили в свой родной полк. В июне 1945 года наш корпус возвращался в Ленинград. Дислоцироваться он должен был под Выборгом. Туда отправили всю технику, а войска пешим маршем вошли в Ленинград. Дивизии входили с трёх сторон. По пути были построены деревянные арки. На месте нынешних Московских ворот, которые тогда были демонтированы и где-то хранились, стояла деревянная триумфальная арка, на которой было написано «Слава Победителям!». По проспекту входили колонной по 8 человек в ряд. Потом перестроились по 6, потом по 4, потом маленький ручеёк... Солдат расхватили ленинградцы. И что удивительно для того времени, по радио несколько раз в день в течение наверно недели звучали примерно такие объявления: «Уважаемые товарищи гвардейцы тридцатого гвардейского корпуса! Вернитесь в свою часть. Для этого надо прибыть на Финляндский вокзал и бесплатно доехать до Выборга». Причём это говорилось без всяких угроз.

В 1946 году мне было ещё 19 лет. В полк пришла разнарядка. Мы, конечно, ничего об этом не знали. Просто нас построили, отобрали тех, кто ростом побольше. Мой примерно 175 см. Нас отделили – и я оказался на торпедном катере, поскольку, как мне потом сказали, у меня в личном деле было указано, что я служил в морской пехоте.

На торпедном катере. «Ты шо, девка, что ли? Сними штаны!»

Летом я уже служил мотористом на торпедном катере. Катера были наши деревянные, а двигатели на них стояли американские: мощные «кэртис». При выходе в атаку катер давал 52 узла – это почти сто километров в час. Мы тогда базировались на базе «Литке», недалеко от Кронштадта. Моим командиром был рекордсмен СССР в беге на полторы тысячи метров. Его звали Иван Бейсябога – представляете, такая фамилия? Он был прекрасный человек, украинец, хорошо играл на скрипке. Чем-то я ему приглянулся, и как-то, когда стояли в Кронштадте, он подошел ко мне и говорит: «Разденься». Я говорю: «Что?» Он повторяет:

«Разденься». Я разделся до пояса. Он говорит: «Штаны». Я что-то заколебался, тогда стоявший рядом боцман Иван Рыжев говорит: «Ты шо, девка, что ли? Сними штаны, тебе говорят». Снимаю. Он подошел, пощупал грудь, руки, ноги особенно и говорит: «Бегать будешь». Я не понял в чём дело, а у него был просто тренерский зуд. Потом я бегал. Несмотря на ранения, я бегал тогда с удовольствием. Все выходят на зарядку и, как тогда говорили, филонят, т.е. там руками машут потихонечку... А мне он отмерил круг 500 метров. Встанет, в руках два секундомера, и по утрам меня гоняет, вечером ещё. Ездили с ним на соревнования в Сочи. Это, конечно, мне было в удовольствие: все служили, а я поехал в Сочи, на соревнования. Ещё мы ездили на всефлотские соревнования в ПортКалаут. Похваляюсь: в 1947 году я был чемпионом КБФ по бегу на полторы тысячи метров. Я бегал эту дистанцию за 3,52. Это приличный результат. На мастера спорта я не выбежал: уходил от меня «мастер». Тогда повышали нормативы, и я в них уже не укладывался. Несмотря на то, что я серьёзно занимался спортом, всё же самое сильное физическое впечатление я испытал в Эстонии, когда мы наступали в сторону Таллина.

Песни, песни...

Во время службы на флоте мы с ребятами любили петь песни, которых знали очень много. Некоторые я помню до сих пор. Вот, например, о севастопольском матросе:

На ветвях израненного тополя
Тёплое дыханье ветерка.
На пустынном рейде
Севастополя
Ни луны, ни звёзд, ни огонька.
В эту ночь кварталами
спалёнными
Шел моряк, прощаясь с
бастионами,
С мёртвой корабельной стороной.
На кладбище старом, над
могилами
Конвоиры вскинули стволы.
Он стоял. Тельняшка полосатая,
Пятнами от крови запеклась.
Он сказал: «Повоевал богато я,
Вашей чёрной крови пролил
всласть.
Это мы с братвой, ночами
тёмными
Вас подстерегали пулей злой.
В Инкермане над
каменоломнями,
На крутых утёсах под Ялтой.
Встали вы на якоря, не рано ли?
Шторм придёт и вырвет якоря.
В разнбой, не в лад винтовки
грянули.
Кровью озарилась заря».
Вот песня о Северном флоте:
«Я люблю этот город туманов,
Опустившихся, низко к воде.
За его молодых капитанов,
Что, я знаю, не дрогнут нигде.
А ещё я скажу по секрету,
Я люблю этот город морской
За одну дорогую приметку,
За девчонку с косой золотой.
Переулок ветрами увитый
И на рейде морские суда,

А за ними простор ледовитый,
Где сливается с небом вода.

В нём грустил я последние годы,
Твои вспоминая черты

Я хмелел от лихой непогоды,
Как от чистого спирта, а ты?»

Ещё помню песню о морских
«охотниках»:

«На этой дубовой скорлупке
Отважные люди плывут

Пусть волны доходят до рубки,
Но с ног они нас не собьют.

Мы с морем сроднились, ребята.
Гордимся мы службой такой.

Уходит от берега «Ястреб
морской»,
И девушка машет рукой».

Вот ещё:

«Ходят ветры, ходят вьюги
С океана в океан.

Ходит с севера до юга
В дождь, метели и туман.

На ветру, не остывая,
От фронтов и до фронтов,
Ходит слава боевая
О геройстве моряков.

Это в бой идут матросы.

Это в бой идут моря.

Но бывает, растаётся
С кораблём своим моряк.

Значит, силу краснофлотца
На земле узнает враг.

Ничего, что сердцу тяжело
И не флотская шинель.

На груди твоей тельняшка,
Тёмно-синяя фланель.

Это в бой идут матросы

Это в бой идут моря.

И когда бои вскипают
и тебе сам чёрт не брат
В жаркой схватке возникают
Бескозырка и бушлат.

И опять в руке граната
И глаза огнём горят
То балтиец из Кронштадта,
Из Полярного моряк.
Это в бой идут матросы.
Это в бой идут моряк.

Эта песня о морской пехоте. Надеть перед боем бескозырку – это было больше, чем бравада. Ведь нас в морской пехоте одели в сухопутную форму, но перед атакой все сбрасывали каски и надевали бескозырки. Она у меня сохранилась до сих пор. На ней надпись «Балтийский флот».

Помню, в бригаде мы пели такую песенку с хулиганским мотивом: «В бардачном Таганроге иду я по дороге. В обмотках двухметровых. Считаюсь моряком...» Вот уже и забыл.

Знаете, есть такая песня «Застольная Волховского фронта»? «Выпьем за тех, кто командовал ротами ...» и так далее. Мы добавляли к ней ещё один куплет:

«Вспомним и тех, кто в тылу ошивается.
С женами нашими спит.
Кто вечерами сидит в ресторанчиках
“Смерть оккупантам!” кричит».

На линкоре «Октябрьская революция»

Через некоторое время по приказу я был переведён служить на линкор «Октябрьская Революция». Это бывший «Гангут» – линкор ещё царской постройки. После войны это был самый мощный корабль на Балтике. Огромный, просто гигантский корабль. Когда приходили курсанты, численность экипажа доходила до девятисот человек. Ствол орудия, главного калибра, на котором я был вертикальным наводчиком, весил 59 тонн. Снаряд почти полтонны. Два полузаряда пороха по сто с лишним килограмм. Дальность стрельбы 40-45 км. Объясню в двух словах механику: замок две тонны. Вот ты сидишь в таком почти кресле. Нажимаешь ручку, отводишь её на себя, и замок автоматически открывается. Снизу, из крьюйт-камеры, на лифте поднимается болванка- снаряд. Автоматическим банником он загоняется в ствол. Потом в шелковом мешке полузаряд пороха, за ним второй полузаряд. Закрывается замок. В его центральной части в отверстие вставляется запал. Это отверстие закрывается заглушкой. Перед тобой красная лампа и «ревун». Он репетирует, т.е. повторяет сигнал выстрела. Загорается красная лампа и «ревун» дублирует. Оттягиваешь ручку и... Всё автоматизировано было. Стрелять могло только одно орудие из башни. Больше нельзя. Иначе с корабля всё сыпалось к чёрту. Удар страшный. Ну, представляете себе такое орудие. Башню проектировал адмирал Макаров. Она была так спроектирована, что попадание равноценного снаряда 305 мм не пробивало башню. Толщина брони была миллиметров 400. На башню имели право заходить только те, кто в ней работал, да ещё командир корабля, старпом и всё. Больше никто не имел права заходить.

Никита Сергеевич его разрезал. Это, конечно, было преступление. Американцы не резали свои линкоры. Я подучился в школе оружия и стал комендором. Главный калибр 305 мм.

Командиром корабля был Нарыков. Человек петровского роста 2 м 4 см. Старпомом у него был Фридман ростом примерно 155см. Вы представляете? Они служили вместе с 1926 года. Переходили с корабля на корабль. Расскажу маленькую смешную вещь. При мне прибывал на службу 27-й год, 28-й, 29-й и даже 30-й год. Каждый раз как прибывало пополнение, нас строят. Выходят командир и старпом. Оба чуть-чуть на взводе, как положено офицерам. Нарыков поворачивается к старпому и своим мощным голосом спрашивает: «Ефим, что нынче пошел за матрос?» Помолчав немного, отвечает: «Помоему, мелкий, прожорливый и саковитый». (саковитый, от слова «сачок») Тогда Фридман обращается к нему: «А какими они качествами обладают?» И Нарыков, глядя на него с высоты своего огромного роста, говорит: «Беспробудным сном, адским аппетитом и презрением к труду». (Смеётся)

«Голубая кровь» или «белая кость»

Среди офицеров линкора служили два князя. Уцелели. Их фамилии я не помню. Один был капитан-лейтенант, второй – капитан третьего ранга. Последний был командиром б. ч. 4. Если не ошибаюсь, это сигнализация и связь корабля. Его брат был то ли адмиралом, то ли капитаном первого ранга и командовал базой на Дальнем Востоке. Оба бывшие князья никогда в форме не увольнялись, всегда только в цивильном. Вот эта «голубая кровь» или «белая кость» – как хотите, назовите. Она на расстоянии чувствовалась. Несомненно, они родились после революции, но у них, видимо в семье, осталось это воспитание. С матросами только на Вы, никогда на ты. Помню, наш линкор пришел в Таллин. В тот день в центре города устанавливали памятник советским воинам-освободителям, того самого «бронзового солдата», которого переносили на окраину в 2008 году. Нас построили перед увольнением на палубе. Подошел буксир «Якобинец». Подходит ко мне капитан-лейтенант Тоужнянский и так хамовато спрашивает: «Слушай, чё у тебя пуговицы так плохо надраены? Отойди в сторону. Неделя без берега». В это время мимо проходил один из этих князей. Тот, что был капитаном третьего ранга. Он повернулся к нему и говорит: «Товарищ капитан-лейтенант, давайте за башню зайдём». Они зашли за башню. Мой дружок Сенька Крупинец выскочил и с другой стороны забежал подслушать. Потом опять прибежал и встал в строй. Подходит ко мне Тоужнянский и говорит: «Ну ладно, становись в строй. Пойдешь со всеми». Потом Сенька мне рассказал, что услышал. Князь говорит: «Товарищ капитан-лейтенант, где Вы были во время войны?» Тот отвечает: «Я готовил кадры в училище имени Фрунзе». Он говорит: «Вы видели, что у него на груди? Пока Вы готовили кадры, он Вас защищал. Так вот. Продолжайте готовить кадры здесь, на корабле, а он пусть идёт на берег. Понятно?» После торжественного открытия памятника и возложения венков нас отпустили в город. А может быть, это было в другой раз. Мы каждый год приходили в Таллин. Вот идём мы трое: я, Сеня и ещё один мой хороший приятель Вася Никулин – шли втроем и рассуждали, как бы нам выпить немножко, пойти на танцы. Дело в том, что денег у нас не было. Вдруг слышим покашливание. Обернулись, сзади идёт наш князь, одетый в цивильное платье. Тросточка у него была такая игривая, я бы сказал. Он и сам был хорош собой. Подошел он и говорит: «Извините, я случайно подслушал ваш разговор. Я приглашаю вас в ресторан». Мы замерли. Он говорит: «Пойдёмте, пойдёмте». Пришли в ресторан какой-то такой, не очень. Он говорит: «Слушайте, что я буду говорить, и кивайте головой. Больше ничего». Подходит официант. Он ему говорит: «А что это у вас тут не прибрано. Тут ...» Официант отвечает: «Да вы знаете, ресторан недавно открылся ...» Он спрашивает: «А есть здесь что-нибудь другое?» Официант говорит: «Есть тут и другие рестораны». Тогда князь спрашивает: «Ну, что? По двести грамм?» Принесли водку, рюмочки, какую-то закуску. Мы не успели приняться, тут патруль. Лейтенант с двумя солдатами. Увидели: матросы сидят в кабаке – не положено. Они к нам. Лейтенант, как полагается, обратился к нам: «Встаньте и пойдёмте со мной». Наш князь встаёт, подходит к нему и говорит: «Можно Вас на минутку?» Они отошли. Он вынул своё офицерское удостоверение, показал и о чём-то они заговорили. Лейтенант откозырнул, повернулся и

они ушли. Мы выпили. Потом ещё принесли водочки ... Короче, мы нагрузились. Причём он сыграл такую штуку. Ну, что мы пришли, выпили водки и сразу уходим. Это не прилично. И он сыграл такую вещь. Говорит: «Да. Придётся нам найти ресторан получше». У эстонца даже глаза округлились. Ребята выпили грамм по двести водки, и пошли в другой ресторан. Вышли. В Таллине есть парк «Кадрiorг». Он говорит нам: «Вы тут пока отлежитесь, отдохните. Я пока схожу по делам, а потом вернусь, и мы вместе пойдём». Очень приятно было. Вот тогда я понял, что Россия много потеряла в революцию.

«Не готов к гражданской жизни». Аттестат с тройками

Я понимал, что не готов к гражданской жизни. Профессии нет никакой – ну, умею стрелять... Водительские права были уже утрачены. Жизнь надо было начинать сначала. На флоте я прослужил пять лет – дослужился до гвардии главстаршины. В 1941 году я окончил седьмой класс. В 1949 году пришел в вечернюю школу. В ней училось 26 человек. Это были офицеры и матросы. Я сразу поступил в десятый, минуя восьмой и девятые классы. Учился на тройки, а по физике стал получать двойки и должен был вылететь. Директриса меня уже предупредила. Наверно, так бы и случилось, но как-то по тревоге я поднимался в башню по скоб-трапу высотой 7 метров. Надо было подняться, проверить все ли на местах, заскочить в башню и закрыть за собой. На всё давалось где-то полторы минуты. Я полез наверх, а передо мной поднимался какой-то «умник» у которого ботинки были вымазаны в солидоле. Я не успел перехватить руку, когда соскользнула нога. И всё: я сорвался, полетел вниз и потерял сознание. Очухался уже в госпитале. От удара у меня открылась рана. Пришли ребята с корабля навестить. Мой дружок Саша Карпиненко из Белоруссии спрашивает: «Ну, как дела?» И я ребятам поплакался в жилетку. Сказал, что не знаю, как возвращаться в школу. Мне шел уже 24-й год, скоро на гражданку, а куда я пойду с семью классами? И Сенька Крупиненко побежал к командиру корабля. Доложил Нарыкову, что вот так и так. И вот через два дня открывается дверь и входит инженер-капитан-лейтенант Зеербек, азербайджанец. Нас несколько лежало в палате. Он говорит врачу: «Поставьте мне койку рядом с Альтшуллером». Снял форму, надел больничный халат и говорит: «Альтшуллер, будем учиться». И полторы недели он меня гонял как Сидорову козу. Когда я вышел из госпиталя и пришел в школу, то физичка меня сразу потащила к доске. Я ей отчеканил на твёрдую тройку. Потом математику так же. Пятерок не было. Аттестат у меня такой... Когда мои аспиранты, будучи у меня дома, его увидели, то с изумлением спросили: «Рэм Соломонович, неужели это ваш аттестат зрелости?»

«Для евреев – только рабочая специальность!» Вредные работы. «Собрал» кандидатскую и докторскую

Моя демобилизация совпала с наступлением тяжелого времени для евреев. Это надо прямо сказать. Я поступал на вечерние отделения в пять вузов, в пять. Причём я приходил, сознательно надев награды, но ... В двух вузах мне прямо в глаза сказали: «Конечно, конечно взяли бы, но ...» Я обязательно хотел получить техническую специальность и, уже отчаявшись, пришел в педагогический вуз в надежде, что через год переведусь. Меня приняла заведующая вечерним отделением Елена Феликсовна Сакович. Про неё рассказывали, что в партию её принимал сам Ленин. Она всё понимала, и я помню её первые слова, обращённые ко мне: «Ну что, соколик, набегался»? Я попросил зачислить меня на физмат. Но она сказала, что этот факультет уже забит под завязку, и предложила зачисление наестественный. Так я оказался на этом факультете. Стал учиться, стал работать. Тут тоже были проблемы: устроиться можно было только грузчиком, а мне в связи с ранением это было противопоказано, но пришлось. В начале работал грузчиком на масложиркомбинате. Открылась рана – и я загремел в госпиталь. Поняв, что, продолжая работать на старом месте, я попросту угроблюсь, обратился к другу отца по фамилии Левин, работавшему директором Куйбышевского промкомбината. Он мне сказал, что очень уважает моего отца, и рад был бы мне помочь, но может устроить меня только на рабочую специальность, при этом показал мне отвратительный документ о соблюдении

национальной пропорции при приёме на работу. Он взял меня рабочим на гидравлический пресс. Цех располагался на Колокольной улице. В бригаде нас работало 14 человек, половина из них евреи. Температура возле пресса была колоссальная. Летом я работал в трусах, ботинках и фартуке. Прессовали всякие штуки, совки какие-то. Засыпали порошок. До сих пор помню названия: “монолит”, “карбалит”». Начались проблемы с лёгкими, и оттуда меня перевели в зеркальный цех на улицу Пушкинскую. Там я работал полировщиком. Полировал стёкла пастой ГОИ. Очень вредная работа. Ну а потом окончил институт. Работал учителем. Затем защитил кандидатскую в Герценовском. Там же «собирал» докторскую. Перед уходом на пенсию в 1995 году работал учителем в 91-й школе Петроградского района.

Проходимцы вместо ушедших на фронт. «Абрам! Поди ко мне!»

По моему глубокому убеждению, трагедия нашей страны состояла ещё и в том, что когда лучшие ушли на фронт, то их места заняли проходимцы и разные недостойные люди. Особенно это касалось руководящих кадров среднего звена и научных работников. Из тех, кто уцелел, единицам удалось вернуться и занять свои должности. Помню, нам читал минералогия профессор Гинзбург. На его лекциях студенты сидели даже на окнах Человек потрясающей биографии. До революции крестился. Хотел жениться на дочери Петербургского градоначальника, но, не получив согласия семьи, выкрал невесту и увёз её в Италию. Она была больна чахоткой. После революции они вернулись. К началу войны ему было уже около пятидесяти лет. Он дважды подавал заявления на фронт и его взяли рядовым. Их часть стояла где-то под Пулковом. Командир его роты, русский, когда собирался и выпивал с другими офицерами, любил проделывать такое, особенно если присутствовали вновь прибывшие. Кричал из землянки так, что, наверное, немцы слышали: «Абрам! Поди ко мне!» Тот уже знал заранее, что будет. Он приходит в землянку. Сидят пять-шесть офицеров из новеньких. Ротный говорит: «Представься по полной форме». Тот вскидывал к шапке руку и докладывал: «По вашему приказанию гвардии рядовой, доктор минералогических наук, профессор Гинзбург прибыл». Новые офицеры открывали рот. Ротный говорил: «Молодец, Абрам. Садись». Наливал ему спирта и говорил: «Давай. За твоё здоровье». После чего отпускал. После ранения его вернули на преподавательскую работу. Дело не в том, что еврей или не еврей. Просто вот такие люди и погибли.

После войны наша 45-я дивизия дислоцировалась в п. Каменка Выборгского района Лен. обл. Уже в наше время она была сокращена до размеров бригады. К сожалению, бригада сейчас известна в основном с негативной стороны. Нередко в наших СМИ проходит информация о «дедовщине» и других происшествиях, творящихся в этой части. В Каменке в двухэтажном здании Дома культуры располагался музей нашего полка. Когда умер Иван Иванович Дуденков, командир то ли третьего, то ли второго батальона, то его награды, в том числе и орден Александра Невского, отвезли туда. Я туда сдал немецкие награды, которые я снял с тех, кого прихлопнул. Потом это всё украли. Демобилизовался какой-то сержант – он всё сгрёб и продал, наверное. Там целая история была.

«Подумайте, как дальше жить. У вас будут свои дети, и кого вы воспитаете в этой стране?!»

В заключение я хочу сказать вот что: эта война была страшная и действительно великая. Потери были неоправданно большие. Нельзя говорить, что у нас были величайшие, прекрасные полководцы. Если бы они были таковыми, не было бы таких потерь. Цена Победы страшно высока. Я думаю, что страна до сих пор от этого очнуться не может. И много ещё чего можно сказать, но было и другое... Есть две стороны этой «медали». Расскажу вам два эпизода. Уж извините за многословие. Когда я был в Копенгагене, то посетил Музей свободы. Я задал вопрос директору: «Почему у вас такие огромные стенды посвящены Сталинграду?» Шел он, его помощники и дети, датские там были. Он обернулся и увидел на мне орденские колодки. Возможно я человек не скромный, но всегда ношу их и никогда не снимаю. Даже в Польше у меня был инцидент, когда доцент пан Малиновский спросил: «А что это у вас?» Я отвечаю: «Награды. В том числе и за Польшу». Он говорит:

«У нас это немодно». Я говорю, а он был моложе меня: «Послушай, вот если бы не было вот этих штучек у нас на груди, то тебя бы не было. Немцы хотели вас всех под нож пустить, а не только евреев». Вот в Дании подходит директор ко мне и, указывая на колодки, говорит: «Не было бы Сталинграда, не было бы и датчан». Хотя вы знаете, что немцы их считали близкими к высшей расе. И вот второй эпизод. Когда года четыре назад мы были в Каменке, то проводилось собрание в бригадном Дворце культуры. Там огромный зал на 500 человек. Мы приехали туда и по очереди выступали. В первых рядах сидели молодые офицеры, а дальше солдаты. Когда подошла моя очередь, то я сказал, что был рядовым, воевал, как все, из чего получилось то, что получилось. И в конце задаю вопрос: «Скажите, кого мы победили в той войне? Пожалуйста, не вставая с мест, выкрикните». Голосов пять или шесть: «Германию, Германию...» Кто-то ещё выкрикнул: «Венгрию!» И всё. И я им сказал: «Когда вы приедете домой, если у вас остались живы бабушки и дедушки, которые или в тылу работали, или на фронте были, поклонитесь им в ноги. По двум причинам. Первая простая: не было бы этой Победы, вы бы тут не сидели. Вас бы просто не было или были бы, но не здесь и не людьми, которые могут гордо говорить, что я человек, живущий в своей стране. Плохо ли, хорошо – это уже от вас зависит. Второе: вы сказали Германию, Венгрию. Так вот ваши бабушки и дедушки поставили на колени всю Европу – всю. Потому что все они давали солдат Вермахту и, кроме того, оружие. Ваши деды поили своих коней в этой поганой речушке Шпрее, а вся Европа стояла на коленях. Вот и всё. И весь мир знает, а вы нет. Подумайте, как же дальше жить. У вас будут свои дети, и кого вы воспитаете в этой стране?!»